

Цескорка

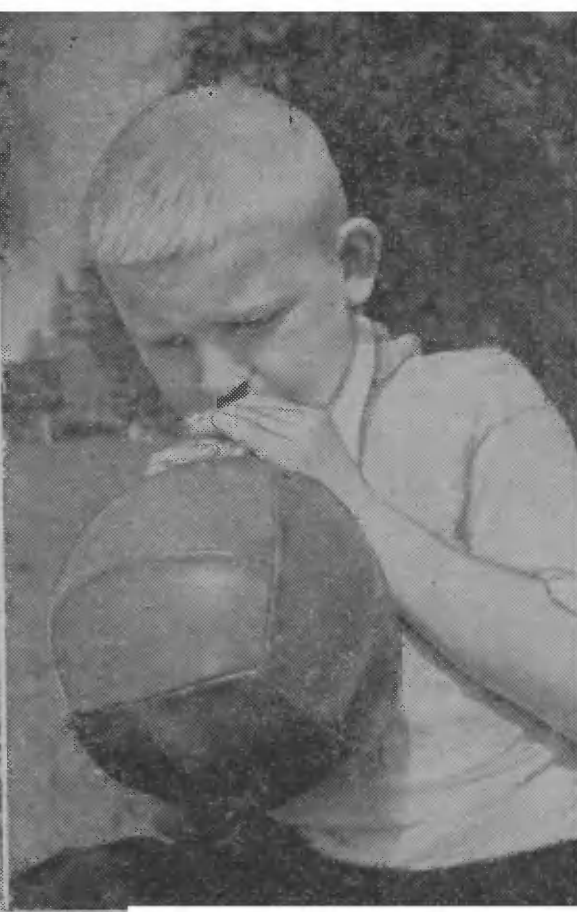

Фото Г. Сафонова

ВЗГЛЯНИТЕ на этих ребят. Им весело.
А почему? Они умеют отдыхать, не
сидят сложа руки.

Лучший и самый мудрый отдых — в
движении, в играх на свежем воздухе.

На снимке: ребята посёлка Вартемяки.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

А. Будкевич

Рисунки А. Крутцова

Имени Маяковского

(ИЗ ИСТОРИИ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

КАЖДЫЙ из нас мечтал стать пионером.

— Вот бы нам так! — говорили, бывало, мы, провожая взглядом какой-нибудь марширующий мимо отряд.

— А чем мы хуже? — выказал кто-то.

Решили создать отряд. Составили ребята список, разбили на звенья, надели пионерские галстуки и стали называть себя пионерами. Но не прошло и месяца, как их постигло огромное разочарование.

— Да какие же вы пионеры? Вы и галстука не имеете права носить, — сказал приехавший инструктор райкома комсомола.

— Почему? У нас всё как надо.

— А потому, что стать пионером не

так просто. Нужно сначала проверить себя, дать торжественное обещание, что никогда не нарушишь законов и обычаев пионеров.

— Что же теперь делать?

— Прежде всего, снять галстуки, — ответили нам, — и начать подготавливаться к вступлению в пионеры.

Как ни велика была наша печаль, но мысль о том, что галстук надо не только носить, но и заслужить, вселила в нас чувство особенного уважения к слову «пионер».

Много волнений, тревог и сомнений было пережито в эти дни подготовки к торжественному сбору.

«А вдруг не примут, вдруг не достоин ещё?» — думалось каждому.

Наконец мы полу-

чили право носить пионерский галстук. В Сокольническом райкоме комсомола Москвы нашему отряду дали номер 49.

В то время пионерские отряды имели не только номера, но и название или чьё-нибудь имя. После недолгих обсуждений было решено, что наш отряд будет имени Маяковского. Мы написали Владимиру Владимировичу письмо и попросили дать на это его согласие.

Ответ на письмо пришёл скоро и в самой неожиданной форме. Помню, шёл сбор отряда. Мы о чём-то горячо спорили, решали какие-то свои важные вопросы, и вдруг в комнату, широко улыбаясь, входит Маяковский. В руках у него блестящий новенький горн и большущий барабан. Надо сказать, что и горна и барабана мы ещё не имели и это было пределом наших мечтаний.

Надо ли говорить, какую бурю восторга вызвал приезд Маяковского! И хотя с тех пор прошло очень много времени, в жизни произошло немало событий, но в памяти сохранились мельчайшие подробности того дня.

Владимир Владимирович пробыл у нас довольно долго. Он интересовался жизнью школы, работой натуралистических кружков, осмотрел живой уголок, побывал в заповеднике.

Наши встречи с Маяковским стали повторяться и перешли в настоящую дружбу. Дружба поэта с юннатами биостанции продолжалась несколько лет. Маяковский приезжал к нам на праздник Дня леса, вместе с нами сажал деревья, читал нам

свои стихи. Когда юннаты Москвы проводили День птиц, он написал известные всем стихи «Мы вас ждём, товарищ птица, отчего вам не летится?»

Под влиянием этих встреч многие воспитанники нашей школы стремились подражать своему большому другу. Особенно это относилось к участникам «Живой газеты», которая всегда откликалась на все явления юннатской жизни. Текст «Живой газеты» писался в стихах самими ребятами, нередко нам помогал Маяковский. Случалось, что он даже напевал понравившиеся ему в газете стихи, а потом рассказывал своим друзьям, что они написаны его пионерами.

Те, кто выпускал стенную школьную газету, хорошо помнят, какое участие принимал в этом Маяковский. Недавно один из членов первой редколлегии нашей школьной газеты, Серёжа Клумов, ныне Сергей Кон-

стантинович, старший научный сотрудник Института океанологии Академии наук СССР, рассказал мне, как однажды Владимир Владимирович пришёл на заседание редколлегии и, просмотрев наши газеты, сказал: «Ребята вы хорошие, занимаетесь хорошим делом, а газету выпускаете неинтересную. Хотите, я вам буду помогать в этом?» И с тех пор, прежде чем выпустить газету, ребята отправлялись к Владимиру Владимировичу, и он помогал им отбирать заметки, составлять макет.

Наверное, Маяковский очень ценил привязанность и дружбу наших ребят, он нередко встречался и беседовал с нами. Так, он прочитал нам как-то свои новые стихи «Сергею Есенину», главу из поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Что такое хорошо и что такое плохо», «Кем быть?» и другие.

Позже, когда мы стали комсомольцами, Маяковский приглашал нас на диспуты. Всем коллективом мы ездили на первый спектакль его пьесы «Клоп» и участвовали в обсуждении.

— А почему вы носите имя Маяковского, — часто спрашивали нас, — ведь вы юннаты-биологи, причём же тут поэт?

— В самом деле, почему? — спросите и вы. А дело в том, что именем учёного Тимирязева называлась сама биостанция. А имя Маяковского мы присвоили пионерскому отряду потому, что его стихи неперестанно звали вперёд. Мы любили его непримиримую ненависть ко всему старому, отжившему, мешающему росткам новой жизни.

Ведь и мы, юннаты, были не просто наблюдателями природы, а стремились к тому, чтобы научиться её покорять.

Горн и барабан, подаренные отряду, были постоянными спутниками всех пионерских походов. Надо сказать, что барабан был очень хороший, звонкий и не простой, а как в настоящем оркестре.

Бессменным барабанщиком много лет подряд был бывший беспризорник, очень талантливый и музыкальный мальчик. Горнисты часто менялись, но об одном мне хочется вспомнить. Это был на редкость подвижной и озорной мальчик. Его трудно было надолго заинтересовать каким-нибудь серьёзным делом. И как-то случилось, что он стал горнистом. Видимо, это занятие пришлось ему по душе и он очень переменялся.

Жили мы все дружно. До сих пор не теряем друг друга из вида. Встречаясь, тепло вспоминаем жизнь в школе-колонии при биостанции, походы, экскурсии, пионерский отряд, которому мы многим обязаны.

Юлька

Во время зарядки случилась неприятность: снова опоздал Рюрик. А это значило, что дежурный по лагерю, вожатый Костя Лопухов, поставит в графике соревнования их отряду минус и первое место они сегодня не займут. Но больше всего Юльку мучает вопрос: случайно опоздал Рюрик на зарядку или нет?

Вот он стоит в третьем ряду, худенький, гибкий. Юльке кажется, что на неё он смотрит недоверчиво и чуть враждебно.

«Ах, пусть!» — думает маленькая вожатая и, стараясь не подать виду, что огорчена, немного важничает. Но мальчишки её отряда знали, что это просто так, и улыбались хитро и чуть снисходительно.

Юльке шестнадцатый год, но она всех уверяет, что шестнадцать исполнилось ей уже давно. Скажет и с тревогой смотрит на собеседника: верит ли? Выглядеть солидней и старше ей хочется по очень многим причинам, ведь в лагерь она приехала по пионерской путёвке, а её назначили помощником вожатого.

Но главное (об этом стоило бы говорить по секрету) — Юлька старается быть во всём похожей на своего вожатого Гришу, и стоит лишь вожатому сказать, что Юлька молодец, ей хочется прыгать от радости.

После завтрака мальчишки потребовали рассказов. Слушать они могли без конца, и Юлька решила им почитать.

В книжке говорилось о подвигах простых людей, о хорошей дружбе и выручке, о мужестве и отваге.

Читая, Юлька успевала думать о том, что здесь, в кругу ребят, нет Вадика, вездесущего разведчика отряда, и нет белобрысого мальчишки со старинным именем — Рюрик.

Где он пропадает?

О Рюрике она могла бы рассказать очень много. Этот мальчишка делает ей всё назло. А почему? Почему он бежит из отряда, когда здесь она, а не Гриша? Юлька часто думает об этом. Горечь и досада на себя в такие минуты бывает сильнее, чем обычно.

Рюрик (все зовут его «киевский князь») до некоторой степени знаменит. Он считается в лагере лучшим футболистом, а плавает словно пескарь. Однажды, помнит Юлька, после военной игры отряд вышел к реке купаться. Не умея плавать, она спряталась в кустах и оттуда с завистью посмотрела на мальчишек. Рюрик плескался, нырял, будто маленький дельфин, бросался с остальными наперегонки.

И, выходя на берег, увидел вдруг Юльку, прятаящуюся в своей засаде.

Сегодня вечером, когда серые сумерки упадут на землю; двинется пёстрая, весёлая колонна к поляне в сосновом бору. Зажгутся разноцветные фонарики, вспыхнут длинными языками факелы и голубые искры костра смешаются с холодными звёздами.

Зазвонят песни, закружатся хоры воды, и они

С тех пор он не любит Юльку. А ей очень стыдно вспоминать тот случай.

Было бы здорово очутиться где-нибудь у самого полюса или лететь на быстрокрылом самолёте через весь земной шар. Там бы Юлька не испугалась. И никакой Рюрик не посмел бы сказать, что она трусиха...

Кусты зашумели, из-за листвы показалась физиономия Вадьки: глаза вытаращены, рот открыт.

— Что ты? — засмеялась Юлька. — Опять клад нашёл? А мы полвину книжки уже прочитали.

— Юля... — судорожно глотнул воздух Вадька. — Наш третий на карнавале... дежурит!

Мальчишек словно ветром сдуло с поляны. Они толкали, разрывали на части несчастного разведчика. Тот рассказывал торопливо, хотя и старался сохранить частицу важности и независимости.

— Ну, я иду. Неожиданно слышу — говорят: надо поручить третьему — там одна Юлька чего стоит.

Анна Павловна говорит: девочки второго отряда тоже заслужили. Но всё-таки нас отстаивали крепко. Я хотел ещё послушать, да Гриша наш на крыльцо вышел, заругался: тут, говорит, совет вожатых идёт, а ты под окнами шастаешь...

...И вот мчится «отряд» выбирать место для карнавала, а впереди всех Юлька — попробуй, догони её!

будут хозяевами карнавала.

Так думает она, возвращаясь по той же тропинке в лагерь. Умчался вперёд «лихой третий», и кажется, — припади ухом к земле, ещё услышишь его бойкий топот.

Юлька идёт медленно, погружая босые ноги в горячую пыль. Блестит золото её волос, ставшие синими глаза смотрят задумчиво и ласково.

Она постоянно живёт в особом мире. Здесь властвуют люди красивые, смелые и сильные духом. И теперь этот мир стал Юльке ещё понятней и дороже — в нём появился новый замечательный человек — вожатый Гриша... И сегодня он должен вместе со всеми восхищаться ею. Как много интересного припасла она на карнавал!

После полдника в лагере творилось что-то невообразимое. В палатках хохотали, ссорились и снова мирились. Лёшка Сметанкин втихомолку унёс чужой костюм и разгуливал в нём по лагерю.

В шестом отряде случилось несчастье. Козёл Мишка, суровое и своенравное существо, уничтожил костюмы из листьев, в которые малыши должны были облачиться. Оттуда доносились крики и вопли, а вожатая Лида металась по лагерю, стараясь восполнить потерю.

Юлька уже стояла в своей палатке и, насколько это было возможно,

в осколок зеркала не без гордости осматривала себя.

На ней был чёрный широкий плащ, заменяющий бурку, высокая папаха, сабля, обёрнутая фольгой. Сейчас предстояло самое трудное — наклеить пышные чапаевские усы.

Юлька поспешно оканчивала последние приготовления и недовольно обернулась на шорох: в палатке был Вадька. Он огляделся, потом таинственно сообщил: «Князь исчез...»

— Говори толком, Вадим, — попросила Юлька. — Сегодня кругом одни Русланы, Синие бороды и князья...

— Ну, самый настоящий. — Вадька от обиды надул щёки, — киевский...

— Рюрик?! — у Юльки дрогнули губы.

«Почему он? — хотелось крикнуть ей. — Почему всегда этот мальчишка? Кто ему дал право?..»

Разведчик переступил с ноги на ногу. Вид у него теперь был виноватый, словно это он сам в такой ответственный момент сквозь землю провалился.

— Юля, — боясь своих слов, выдохнул Вадик, — говорят, он на запрещённое озеро убежал. — Так называли в лагере лесное озеро, заросшее камышом, осокой и кувшинками. Дно было неровное и вязкое, гибкие, коварные водоросли прочно охраняли свои владения.

Лицо у Юльки побледнело, казалось, ещё минута и слёзы брызнут у неё из глаз.

— Ну вот, Вадик, беги к Грише, скажи... Скажи — я сейчас! Я мигом! — крикнула она, выбегая из палатки. Словно огромная птица метнулась её тень.

Юлька бежала легко и быстро. В просветах между кустами блеснула вода. Юлька прислушалась. Было очень тихо.

Минуты две простояла она так, чутко ловя звуки леса. И вдруг совсем отчётливо услышала плеск воды и негромкий испуганный крик.

Юлька бросилась туда, раздирая гибкие ивовые ветки, с шумом вылетела на берег и остановилась поражённая.

Чёрная вода медленно кружила мальчишку. Он судорожно цеплялся за листья и стебли кувшинок, взмахивая руками, стараясь поплыть, но водоросли крепко опутали ему ноги. Увидев странную фигуру в плаще, мальчишка охнул, забился ещё отчаяннее.

— Рюрик! Это я! Не бойся!

Веснушки ярко горели на её лице. Сердце стучало часто и громко.

«Не стучи, слышишь? Не стучи!» — приказала Юлька. Больше она не раздумывала и не медлила.

Тёмная прохладная вода цепким объятием сомкнулась вокруг. Жадно чавкнуло под ногами илистое дно, и белые цветы тысячей настороженных глаз уставились на рыжую девочку. Дышать стало труднее, а вода всё выше... До Рюрика уже совсем недалеко. Юлька видит его искажённое страхом лицо, уставшие тонкие руки.

— Скорей!

Вдруг она почувствовала, что дно под ногами медленно движется вниз. Она остановилась, боясь шелохнуться. Ужас охватил её. И вдруг мелькнула мысль: плащ! Он намок и мешал идти. Теперь он сослужит хорошую службу! Юлька осторожно развязала тесёмки, подняла его над водой и слегка отжала.

— Рюрик, лови!

Земля под ногами дрогнула, и волны подкатили к подбородку. От стра-

ха у Юльки закружилась голова, потемнело в глазах, и она едва держала плащ.

Мальчишка крепко уцепился за брошенный конец материи. Юлька увидела это. И теперь не было такой силы, которая заставила бы её отступить.

Шаг назад... Никогда ещё не было так трудно! Теперь второй шаг, третий...

Юлька сидит на берегу и долго растирает онемевшие ноги мальчишки. Тот дрожит от страха и холода, вздрагивает, виновато выстукивает зубами:

— Я хотел... цветов... на карнавал.

Юлька молчит. Она заставляет его прыгать, выливать воду из ушей, снова растирает ему ноги, снова заставляет прыгать...

— Теперь беги в лагерь, я догоню.

Юлька поднимается на пригорок. Стоит долго, всматриваясь в сторону лагеря. В наступившей негустой темноте она едва различает, словно первые звёзды, блестящие точки. Это факелы.

Нет, не увидит Юлька сегодня карнавала, никто не будет восхищаться ею.

С одежды Юльки стекают струйки воды, губы посинели от холода. А она всё стоит и смотрит. Потом бросается на траву и горько плачет.

Галина БУРЕНКОВА,
учительница, г. Благовещенск-на-Амуре,

Рисунки Р. Костылёва

Толстый весёлый продавец, с лысой и круглой, как глобус, головой, выбрал нам самый лучший спиннинг со всеми атрибутами, а заодно посоветовал купить котелок с флягой внутри и маленький походный примус для ухи.

— Берите, берите, чего тут думать-гадать? — шуря крошечные хитрые глазки, уговаривал он. — Без примуса на озере и делать нечего... Уж поверьте бывалому рыбаку!

Я сразу поверил, а вот папа было заупрямился. Но вдвоём с весёлым продавцом мы уговорили его, и игрушечный примус с котелком и флягой был тщательно упакован, перевязан и лично вручён мне.

И вот я в поезде. Один, без провожатых (ведь я перешёл в шестой класс), еду на летние каникулы к бабушке, в далёкое село Дятлово — край зеркально-

голубых озёр и берёзовых рощ. «Щука-лещ! Щука-лещ!» — радостно выговаривают колёса, а в моём воображении рисуется заманчивая картина первой рыбалки... Вот я забрасываю в озеро блесну и чувствую, как громадная щука цапнула её. Осторожно, как написано в книжке «Рыболов-спортсмен», начинаю подводить добычу к лодке. и, на зависть бывалым рыбакам, ловко бросаю на дно...

Полный рыбацкого задора и нетерпения, я с вечера договорился с приятелем насчёт рыбалки.

Над тёмным глубоким озером колыхался голубоватый туман, когда мы спустили в воду какие-то скользкие, поросшие мхом посудыны. В неподвижных камышах, воткнувших коричневые шишки в белёсое небо, притаилась утренняя тишина. Стайка крошечных рыбёшек, сонно ше-

велящих прозрачными плавниками, дремала в осоке. Солнце ещё не взошло, но над вершинами деревьев ввысь и вширь разливалось нежно-жёлтое пламя. В прибрежных кустах началась утренняя перекличка птиц. Над головой просвистела крыльями пара уток и шлёпнулась где-то за камышами.

Мой старый приятель Толька Андреев, худой и длинный, как жердь, с обожжёнными на солнце скулами и большущим облупленным носом, считался среди сельских ребят заядлым рыбаком. Он исходил в округе все озёра и реки вдоль и поперёк.

Когда мы добрались до середины озера, из-за леса выкатилось солнце, и хмурая озёрная гладь посветлела, заулыбалась. Толька смачно плюнул на блесну и, свистнув удилищем, забросил её метров на 30 от лодки. Я тоже старательно поплевал на красный рыбий глаз, нарисованный на блестящей медяшке, и изо всей силы мотнул спиннингом. В ту же секунду с моей головы кепку точно ветром сдуло. Это тройчатка, просвистев возле

самого уха, сбросила её в воду. Не успел я и глазом моргнуть, как моя кепка, пуская пузыри, опустилась на дно озера, а вместе с ней три новеньких блесны и пара свинцовых грузил, запятанных в подкладку.

Новый бросок принёс новое огорчение. Катушка сердито фыркнула и превратилась в какой-то бесформенный клубок из спутавшейся жилки. Пока я трудобливо распутывал «морские» узлы, мой допотопный чёлн отнесло к берегу, и оттуда я с грустью увидел, как Толька бросил на дно лодки первую щуку.

Проклятая жилка не желала распутываться. А Толька — вот же везёт человеку! — опять подвёл к лодке щуку. Мне хотелось кричать «караул», будто меня обокрали. Наконец судьба сжалась надо мной — хитрый клубок был размотан!

И вот я снова на середине озера. Блесна засвистела и на этот раз без всяких выкрутасов булькнула метрах в десяти от лодки. Я раскрыл глаза, предусмотрительно зажмуренные в момент броска, и гордо посмо-

трел на приятеля. Тот одобрительно улыбнулся и махнул рукой:

— Крути!

— Что крутить? — полюбопытствовал я, упиваясь первым успехом.

— Да ты что, с луны свалился? — обозлился Толька. — Катухку крути, разиня!

После десяти витков жилка натянулась. У меня сладко заняло сердце: «Взяла!» Но щука оказалась на диво упрямой. Вместо того чтобы мирно плыть к

лодке, она потащила лодку к себе.

— Толя! — на всякий случай крикнул я. — Схватила! Видать, здоровая, как бревно...

— Как же, — засмеялся приятель, — разевай шире рот!..

После того как Толька довольно образно доказал, что моя щука — плод больного воображения, я совершил ещё один опрометчивый шаг: с сердцем дёрнул жилку, она тут же лопнула и вместе с блесной доста-

лась на вечную память какой-то подводной коряге...

Только, словно поддразнивая меня, таскал и таскал из озёрной глубины здоровенных щук.

— Не унывай, чудак-рыбак, — утешал он меня, — ты же всё-таки первый раз на озере!..

Словно заведённый автомат, я бросал и бросал блесну в озеро. Всю руку отмахал! И каждый раз тройчатка приволакивала, что угодно, только не рыбу. Голодный, вконец измученный, я еле уговорил Тольку прибиться к берегу и перекусить.

В лодке приятеля лежали одиннадцать крупных щук. Одна из них ещё шлёпала жабрами и шевелила хвостом. «Ладно, — подумал я, — зато у меня есть настоящий рыбацкий примус и котелок...»

Однако восторгов со стороны приятеля не последовало. Столь необходимые для рыбака принадлежности вызвали у Тольки град насмешек.

— Зачем столько игрушек притащил с собой? — спросил он.

— Не видишь? Для ухи... — упавшим голосом ответил я.

— Вон оно что-о-о!.. — протянул Толька, пряча ехидный смех в светлых глазах. — А я, знаешь, подумал, что так взял, поиграть на досуге... Ну, если для ухи, то другое дело... На, вари! — он схватил одну щуку за жабры и бросил мне.

Рядом с большущей рыбиной мой котелок и впрямь показался игрушкой. Обругав про себя шутника-продавца, я запихал своё приобретение в мешок, с глаз подальше...

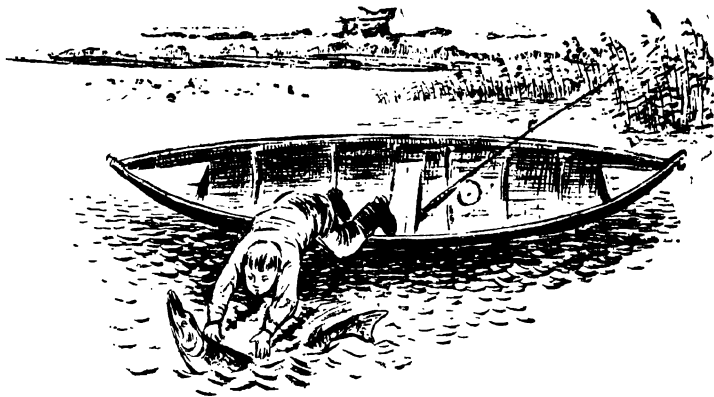
Закинув руки за голову, мы с приятелем лежали на пахучей траве и жевали чёрствый хлеб. Рядом попискивали маленькие птички, будто заведённый, трещал кузнечик. Где-то в камышах, дразня меня, всплёскивала рыба. Небольшая стрекоза, дрожа прозрачными крылышками, бесцеремонно уселась Тольке прямо на облупленный нос. Подивившись такому нахальству, он щелчком сшиб её и поднялся на ноги.

— Эх, есть тут одна щучка... — сказал Толька, когда мы отталкивались нагретым солнцем шестами от берега. — Вот бы поймать её! Ростом... ну... почти с тебя, а хитрущая! Три раза обвела меня вокруг пальца, тигра белопузая...

— Тебя-то обвела? — подивился я.

— Обдурила запросто... Только зацепишь на блесну окуня, она тут как тут... Пока подведёшь его к лодке, половину сожрёт... Один раз я всё-таки прихватил её. Так что ты думаешь? Сорвалась! Перекусила жилку и вместе с блесной гуляет... Нынче опять окунька срезала!..

Солнце коснулось края озера, и вода из синей стала зелёной. На высоких сосновых стволах, подступивших к самому берегу, запылал закат. Маленькое облако, плывущее по небу, остановилось над озером и долго любовалось своим чётким отображением. Камышовые метёлки, кланяясь набежавшему из-за леса ветру, сыпали в озеро свою пыльцу. Глупые мальки, выскакивая из воды, подхватывали её,

и, ослеплённые солнцем, пугливо сигналы в осоку.

И вот, когда я, наверное, в тысячный раз забросил блесну, щука, наконец, соизволила взять её в рот. Усталость, отчаяние — всё как рукой сняло. Не дыша, я подсек её, как учил Толька, и стал осторожно наматывать жилку на катушку. Метрах в пяти моя пленница вдруг выбросилась из воды и, сверкнув в лучах заходящего солнца серебристым брюхом, снова ушла в глубину, вероятно, устыдившись того, что так опрометчиво попала на крючок новичку. Я изо всех сил закрутил ручку и с облегчением почувствовал, что рыбина всё ещё на крючке. Вот моя долгожданная добыча совсем рядом! Стоит только протянуть руку и взять её. Но и это оказалось сделать не так-то просто. Спиннинг выгнулся в дугу и грозился вот-вот треснуть, а из воды показалась лишь щучья голова. Но какая это была голова! От радостного изумления я чуть было не выпал из лодки: во рту огромной щуки рядом с моей сидела ещё одна ржавая тройчатка с обрывком жилки! «Та самая, хитрая!» — захлёбываясь от счастья, подумал я.

— Тащи, чёрт! — закричал издали Толька. — Уйдёт! Да бери за жабры!

Намотав жилку на руку, я подвёл попавшую впросак щуку вплотную к лодке, вцепился пальцами в жабры и перевалил живое, изогнувшееся полено через низкий борт. Хотелось петь и плясать! В этот момент я и не подозревал, что восьмиклограммовая щука, лениво поднимавшая и опускавшая жабры возле моих ног, способна на что-либо большее. Но не успел я вторично забросить блесну, как услышал за спиной громкий всплеск. Моя щука, решив, что в воде всё же лучше, чем на свежем воздухе, сиганула в озеро. В ту же секунду, ни капельки не раздумывая, вслед за ней ринулся и я. Дважды выскальзывала из моих рук полуоглушённая щука и дважды я её снова сграбастывал. Мой большой палец в пылу схватки попал щуке в пасть, и она куснула его. Я взвыл от боли, но рыбину всё же не выпустил. Забравшись в лодку, я первым делом снял резиновый сапог, вылил из него воду и засунул туда коварную щуку головой вперёд (не балуй!), а на скользкий хвост наступил голой

пяткой. Теперь я был спокоен — моя добыча никуда не уйдёт!

Поздно вечером, когда надо было возвращаться домой, подплыл на своей долбёнке Толька.

— Покажи!

— Нельзя, — сказал я. — Она, знаешь, какая хитрая?! Она опять прыгнет в озеро.

— Нет... Она спит.

Я осторожно потянул щуку за хвост. Но она почему-то не захотела вылезать из сапога. Обиделась!

— Удивительно, — презрительно усмехнулся Толька, — человек из сапога-то не может вытащить пойманную рыбину, а вот — на тебе! — на крючок попалась!.. Везёт таким!..

Он поднял сапог повыше и сильно встряхнул. Щука тяжело шлёпнулась на дно лодки.

— Она самая, — сказал Толька, любуясь рыбиной. — Вон мой тройник торчит в губе!.. Отдай-ка, обжора, назад!

Толька раскрыл зубастую

щуку пасть и стал выковыривать заржавленный тройник с обрывком белой жилки.

— Толя, укусит!

— Вот ещё! — сказал Толька. — Что я, щук не знаю? — И ещё глубже засунул руку в пасть.

Щука не спеша сомкнула челюсти. Толька подскочил, но орать не стал.

— Отпустит, — сказал он, натянуто улыбаясь. — Что я, щучьи повадки не знаю!

Я поглядел в рыбы выпученные глаза, и мне показалось, что щука ехидно улыбается: «Как же, отпущу!»

Минут десять метался в лодке Толька, как карась в садке, прежде чем щука сжалилась над ним и отпустила руку.

— У-у, тигра белопузая! — Толька с ненавистью пнул мою щуку.

А мне она всё равно нравилась. Ведь это была моя первая щука. Да ещё какая! Хитрая!

Летняя пионерская

Слова Г. Гоппе

Музыка Н. Садового

1.

Дым по откосам несётся скользко,
Мчатся вперёд паровозы.
Лету навстречу летим мы,
друзья,
Ветками машут берёзы.

Припев:

Золотом лучей,
Пионерское лето,
встречай гостей!
Освежи нас,
Закали нас,
Сделай нас сильнее!

2.

Речи журчат под мостами в пути,
Волосы ветер ласкает.
Сколько походов нас ждёт,
Сколько нас дол ожидает!

Припев.

3.

Скоро в душистой стороне лесной
В радостный час на рассвете
Птицы нас весело встретят
с тобой
Звонкою песней о лете.

Припев.

Ноты см. на 15-й странице

Летняя пионерская

Мелн Вальса

1. Дым по от-ко-сам не-сёт-ся сколь-

зя, мчатся впе-ред па-ро-во-зы. Ле-ту ма-

встречу ле-тим мы, друз-я, вет-ка-ми ма-шут ве-ре-

зны. Зо-ло-том лу-чей, пи-о-нерско-е

ле-то, встре-чай гос-тей! Ос-ве-жи нас, за-ка-ли нас,

сде-лай нас силь-ней! д.ней!

В а р е ж к и

Посинели белые снежинки.
Сумерки. Пора домой идти.
Потерялись варежки у Нинки,
Ищет и не может их найти.

Шерстяные — с красною
дорожкой,
Тёплые — с пушистою

каймой.
Плачет Нинка, трёт глаза
ладошкой,

Не идёт без варежек домой.
Заметелил снег. На небе

хмуром
Ветер тучу новую нашёл.

К Нинке, не читавшей про
Тимура,

Мальчик незнакомый
подошёл.

— Ты чего расплакалась,
девчонка?

— Утерjala варежки свои.

— Не беда! — ответил
мальчик звонко. —

— Надевай-ка эти вот — мои.

Т р а к т о р ы

Исчез с деревьев зимний иней,

Земля в поту и дымке синей.

И там, где снег лежал вчера,

На целине за перелогом

За строчкой строчку

В ритме строгом

Поэму пишут трактора.

Трудная задача

У мальчишки —
Трудная задача.

Допустил ошибку —
Час пропал.

Но малыш вздохнул
И снова начал.

Разве мог он
Поступить иначе?

Ленин в детстве
Так же поступал.

Весенняя поступь

Днём оттаял,
К вечеру мороз
И балтийский ветерок с порывом.
Розовые почки у берёз
Ждут дождя и солнца терпеливо.
На деревьях лопнула кора.
— Быть теплу! —
Весенняя примета.
Выводи, ребята, трактора
По ледку хрустящему с рассветом.

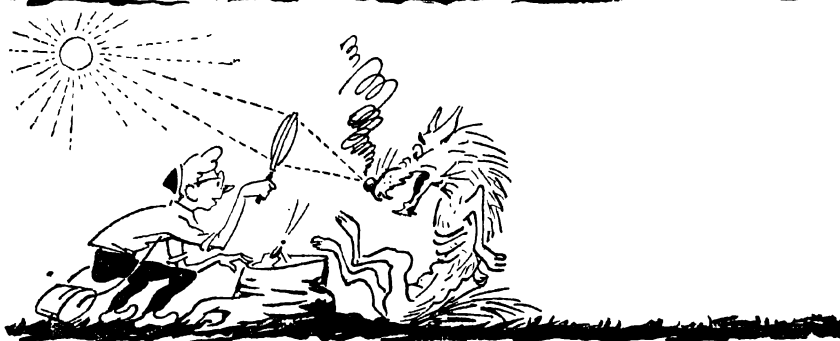
В школьном парке

Из тонких строганых досок
По чертежам юннатов
В пришкольном парке городок
Построили ребята.
Дома, как братья-близнецы,
Похожи друг на друга...
И принесли сюда скворцы
Тепло и песни юга.

Использовал солнечную энергию

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

ЧТО за диво? Только что стоял в воротах, обозначенных на траве двумя рубашонками, брат Пётр, а сейчас на его месте тощий рыжий городской расставил длинные руки, ворочает страшными глазами...

Володя, перепрыгнув через тряпичный мяч, метнулся в сторону. Но городской не один — десятка два дворников рассыпались по лугу, скручивают руки участникам недавнего матча...

В полицейском участке Володя вместе с Петром и другими стрелнинскими ребятами яростно спорили с хозяином лужайки, из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Ишь, испугался, пузатый, — траву ему вытопчут! А где же людям играть, если вся земля в Стрельне вот таким жадюгам принадлежит?

— Молчать! — гаркнул городской. — В кутузку захотели? Эй ты, белявый, твоя как фамилия?

Пётр заслонил спиной младшего брата, но тот сердито отпихнул его локтем, твёрдо ставя босые ступни, вышел вперёд:

— Кусков моя фамилия. А вы чего кричите?

— Нет, смотри-ка, каков! — городской даже хлопнул себя по тощим ляжкам. — Смел, ух, как ты смел! Вот родители придут, стребуем с них денежки за стоптанное-то пастбище — поглядим, что запоёшь!

Володя опустил русую голову, сжал исцарапанные в свалке кулаки.

Вечером, выкупленный матерью

шагая за ней к дому, Володя шептал брату:

— Вот погоди, вырасту, разыщу того городского!..

— Убьёшь?! — ужасался Пётр.

— Нет. Я тогда знаменитым футболистом стану. Притащу его на стадион, посажу на скамейку — гляди, как белявый играет!

Пётр смеялся. Чудак этот Володя! Ведь уже двенадцать лет ему стукнуло, а всё как маленький. Знаменитым футболистом станет, на стадионе будет играть — прямо как в сказке выдумал! Бутсов сейчас ведь не на что купить, мяч и тот связали из бабушкиных чулок... Настоящий, кожаный, только и видели, когда доводилось верхом на заборе посмотреть, как тренируются взрослые — члены Стрелнинского клуба любителей спорта.

Англичане там есть: из самого Петербурга приезжают, от вокзала к площадке подкатывают на лихаках. И богатеньких сынков в клубе немало...

Бутсы братья всё-таки купили — полгода экономили на школьных завтраках. Но денег хватило только на одну пару, пришлось пользоваться ею по очереди. Петру бутсы зажимали ступню тисками, у Володи болтались на ногах.

ВОТ так в далёком детстве и начинал свой спортивный путь один из сильнейших футболистов нашей страны заслуженный мастер

спорта СССР Владимир Аполлонович Кусков. Сейчас это имя мало о чём говорит юным читателям «Искорки», но в 20-е годы ленинградцы без труда узнавали на улицах левого крайнего сборной Ленинграда и республики. Шагаль, прямой, сильный, подставив ветру просторную грудь, кланялся знакомым, останавливался с мальчишками, чтобы рассказать о делах наших футболистов...

А дела эти были вот какие. Перед первой поездкой ленинградской команды в Финляндию зарубежные знатоки спорта острили:

— Советские футболисты? Это которые в тулупах и лаптях? Ну, если уж сборная России в 1912 году умудрилась проиграть Германии со счётом 1:16, то на что остаётся надеяться этим лапотникам?

И вдруг словно гром среди ясного неба: сборная Ленинграда выигрывает у одной финской команды за другой! Злые насмешки «знатоков» мгновенно стихли. Но зато на наших футболистов обрушилось несколько других атак...

Однажды к Кускову после матча протиснулся румяненский, добродушный человечек. Приподняв шляпу, громко рассыпался в комплиментах:

— Великолепно играли, господа! Я сам русский и рад, что в моём отечестве даже футболом овладели!

Кусков насторожился. Белоэмигрант? От такого жди всяких подвохов. Ну, так и есть...

— Но в Советской России, кажется, и конные состязания в моде? — продолжает румяненский. — Только зачем же спортивных лошадей держать во дворце великого князя? Памятник архитектуры превращён в конюшню! Да вот снимочек, полюбуйтеесь!..

И белоэмигрант протянул Владимиру Аполлоновичу фотографию. Кусков взгляделся в неё. Нет сомнения, это зал того самого дворца, известного многим. Но откуда тут взялись живые лошади, жующие сено прямо возле картин и статуй?

Седоусый финн в чёрном промасленном комбинезоне сердито смотрел на советского футболиста. Неужели буржуазные газеты правы, когда пишут, что большевики — варвары? У Кускова бешено работала мысль: надо, надо разгадать фокус провокатора...

И вдруг, рассмеявшись, Владимир Аполлонович наклонился к финну:

— Смотрите внимательно: видите, как чётко контур лошади? Фотомонтаж, ясно? Отдельно сняты кони, отдельно дворцовый зал — и смонтированы вместе! Дешёвая работа!

И обернувшись к румяному чело-вечку, шутливо поманил его паль-цем. Под хохот толпы провокатор по-пятился назад. Седоусый финн про-тянул Владимиру Аполлоновичу тём-ную, с въевшейся в неё металличе-ской пылью ладонь:

— Спасибо, товарищ, за объясне-ние...

Да, советским футболистам мно-гое приходилось объяснять в те годы за границей. Потому что не просто спортсменами чувствовали они себя, а посланцами молодой Советской республики...

Несколько поражений, нанесённых финским буржуазным клубам, насто-рожили даже шведов. А Швеция считалась тогда одной из первых футбольных держав мира. И в 1924 году сборная РСФСР выехала в Швецию. Знаток потрясены: из пятнадцати встреч русские не проиг-рали ни одной! А перед одной из игр гости совсем смутили хозяев:

— Скажите, пожалуйста, почему над стадионом рядом со шведским флагом не вывешен флаг СССР?

Директор стадиона притворно раз-вёл руками:

— Видите ли... э-э... советского флага у нас просто нету... И достать его негде...

Вот тогда и вздохнул сочувственно один из наших футболистов. Вынул из своего спортивного чемоданчика алое полотнище с серпом и молотом, протянул его растерявшемуся дирек-тору:

— Вешайте, уважаемый! Всегда рад вам помочь!

И алый флаг Советского Союза вскоре гордо зареял над трибунами...

ПОСЛЕ поражений 1924 года шведы вызвали нас на матч-ре-ванш Стокгольм—Ленинград. И хоть считалась их команда сборной одной лишь столицы, ввели сюда лучших игроков чуть ли не со всей страны.

...Вот, значит, ты каков, знамени-тый Королевский стадион Стокголь-ма! Владимир Аполлонович, выбегая вместе с друзьями на поле, даже на секунду зажмурился от блеска не-скончаемых трибун. Такого огромно-го стадиона ещё не было в СССР.

Знатные господа и дамы разглядывают советских футболистов в сверхсильные бинокли. Мальчишки вопят с галёрки... Все уверены: сейчас мастера кожаного мяча поучат этих русских настоящему футболу, докажут, что прошлые поражения были случайными.

И сразу же после свистка шведы пошли в атаку. Да, это было великолепное зрелище! Они врзались в нашу защиту и лишь с большим трудом удавалось отбрасывать их назад. Вот советская пятёрка нападения во главе с Бутусовым ответила встречным рывком, но мяч опять у шведов. Он словно в заговоре с ни-

ми, подчиняется только их воле, их замыслам!

И на двенадцатой минуте шведы вбивают точный и неумолимый гол. Ленинградцы заметно потрясены и голом и этим чудовищным, нескончаемым натиском. И хотя Пётр Григорьев перед самым перерывом сравнивает счёт, стадиону всё ясно: советские футболисты переиграны, они устали, во втором тайме им не устоять...

Невесёлое настроение было у нашей команды, когда уходила она с поля под грохот трибун. Каждый понимал: только гол, забитый раньше, чем это сделают шведы, может создать перелом в игре. Но как забить его, этот необходимый гол? Нужен какой-то хитрейший узор чётко разыгранной комбинации — такой, которую не удастся разгадать даже изумительным шведским защитникам...

После сигнала ко второму тайму Кусков краем глаза заметил над трибунами алый флаг.

Но чудес на свете, кажется, не бывает — снова шведские форварды «прилепились» к нашим воротам... Впрочем, что такое? Мяч у Бориса Шелагина, ленинградец рвётся с ним вперёд, обманными движениями заставляет полузащитников Стокгольма проскочить мимо. Каким-то шестым чувством Кусков угадывает: вот, вот тот долгожданный узор, который сейчас придётся дорисовывать ему, левому крайнему, не только для гола, — может быть, для победы во всём матче!

И тут произошло то, что ни зрители, ни шведские игроки не поняли сразу. Кусков, получив от Шелагина мяч, рванулся не прямо к воротам, а куда левее их. Ему наперерез бросился один защитник, другой... Сейчас они одолеют прорвавшегося русского, и всё пойдёт, как шло прежде... Но, кажется, «карусель», которую он затеял в самом углу поля, оборачивается в его пользу? Ничего, на под-

могу к защитникам устремился вратарь, советскому форварду закрыты все пути для удара по воротам.

У Кускова пересохло в гортани. Удалось, удалось чудо — провести хитрейших и искуснейших! Отвлёк на себя обоих защитников, выманил из ворот вратаря... Только бы выстоять против троих, только бы не отдать в схватке мяч!..

И красивым, невероятным по точности и неожиданности ударом Владимир Аполлонович перекинул мяч верхом через борющихся с ним шведских игроков. Вот он, конец узора: набегавшему Григорию Архангельскому осталось только толкнуть головой мяч в пустые ворота!

Стадион бушевал, потрясённый случившимся. А советские футболисты, окрылённые успехом, снова и снова рвались вперёд. Вскоре прославленный наш «бомбардир» Бутусов послал третий неотразимый гол. Потом Шелагин вбил четвёртый...

В раздевалке Кускова обнимали: он ни разу сам не взял ворота, но был одним из главных героев встречи. Вот так и бывает в большом, классном футболе, когда игрок, переложив на себя всю тяжесть борьбы за мяч, скромно и самоотверженно выводит на завершающий удар партнёра...

НО не ждал, не гадал Владимир Аполлонович, что года через два придётся ему провести памятный матч — теперь уже самому, в одиночку, да ещё со страшным и необыкновенным противником.

Случилось так, что он проболел скарлатиной, вызвавшей тяжёлое осложнение. Поднимался теперь по лестнице с долгими остановками, держался за сердце...

Старичок профессор, осматривая Владимира Аполлоновича, сердито сказал:

— Футбол придётся оставить. Да-да! Вам, батенька, для жизни надо теперь силы сохранить!

Владимир Аполлонович молча оделся и вышел из врачебного кабинета. Даже мальчишкой ревел редко, а тут глаза словно застлало влажным туманом. Шагал по улице,

никого и ничего не видя. Вот и кончился ты, левый край нападения!.. Всё! Запишемся в лигу болельщиков, будем покрикивать с трибун: «Судью на мыло!».

Назавтра так и решил поступить. Приехал на один из заводских стадионов — «поболеть» за хоккейную команду «ЛОС», в которой сам когда-то играл. Но не успел усесться на скамье для зрителей, как окружили его старые друзья-«лосовцы»:

— Володя, дорогой! Здравствуй!

И с места в карьер стали упрашивать выйти на поле, заменить опаздывающего игрока:

— Понимаешь, иначе нам ноль запишут! Ну, выйди, хоть постои с клюшкой!

Владимир Аполлонович невесело вздохнул. Сказать разве друзьям про сердце? А, ладно, жалеть себя он не привык...

— Давайте коньки и форму...

Домой после игры приехал еле волоча ноги. Посмотрел в зеркало — оттуда глянуло на него худое, осунувшееся лицо с ввалившимися глазами...

И вдруг яростная мысль ударила в голову: а что, если наперекор болезни, наперекор приговору врачей победить, вернуться на зелёное травяное поле?

Так началась самая трудная в жизни нападающего атака. Это был подвиг с самим собой. Владимир Аполлонович занялся лечебной физкультурой. Лекарства? Они помогали тоже. Но главным союзником в этой борьбе была воля и безмерное желание выстоять, не сдаться.

Через полгода тот же старичок профессор снова осматривал Владимира Аполлоновича. Стучал по выпуклой груди. Наконец притянул Кускова к себе:

— Знаете, батенька, что я вам скажу? Вы — герой! Да-да! Играйте на здоровье! Сам приеду на стадион... э-э... как это? Болеть!

ВОИНА! Чёрные дымы стелются над родным Ленинградом. Нева закована в лёд, и город — в кольце блокады... Да, теперь уж не до футбола сол-

дату Кускову! Не гнушимися от мороза пальцами сжимает винтовочный приклад, целится по уходящему «Юнкерсу».

Тяжёлый, зловещий скрежет снаряда — и взрыв...

Очнувшись в госпитале, Владимир Аполлонович сразу ощутил чугунную тяжесть в ноге. Ну вот, «подковали», кажется, всерьёз и окончательно... Но это ничего, это можно пережить — ведь главное, к чему шёл с детства, уже сделано. Спорт остался позади, с ним распрощался честно и достойно, отдав всё, что мог...

Но месяца два спустя Владимира Аполлоновича вызвал к себе начальник госпиталя. У полковника медицинской службы усталое лицо, покрасневшие от долгой бессонницы глаза.

— Вы, кажется, мастер спорта, товарищ Кусков?

— Так точно.

— Тогда есть к вам просьба — помочь нам, врачам...

И Владимир Аполлонович стал заниматься с ранеными лечебной физкультурой — ведь когда-то испытал её на себе и изучил в совершенстве.

Молоденький сержант, держась за костыль, осторожно ложится на скамью во врачебном кабинете, сердито поглядывает на Кускова. Ишь, чего выдумали — футболист его лечить будет!

— Ага,—говорит Владимир Аполлонович.— Сейчас станем в футбол играть. Я, значит, ударю, а ты костылём обороняйся.

Сержант округляет глаза. Кусков не выдерживает, смеётся:

— Ладно уж, сыграем после войны. А сейчас сделаем-ка вот это упражнение...

Через несколько недель сержант уже перебивает мяч через сетку на госпитальном дворе. У Кускова теплеет на сердце. Эх, сержант, мальчишка мой дорогой!.. Если бы не война и не злая пуля, носиться бы тебе сейчас на заводской спортплощадке, забивать голы на удивление зрителям... Но никому сейчас не до футбола, никому...

Никому? Вскоре Владимира Апол-

лоновича, служившего снова в воинской части, вызывают к полковому телефону:

— Говорят из штаба соединения. У вас в части есть футболисты? Тогда поищите их и потренируйте. Что? Играть будем после войны? Ошибаетесь, жестоко ошибаетесь!

И это было совсем уже невероятно — в самый разгар войны, когда гитлеровцы ещё сидели под Ленинградом, Кусков вёз свою команду на стадион «Динамо». Здесь должен был состояться матч на первенство воинских частей.

Ехали в трамвае. Дребезжащий вагончик медленно пробиравался по старым, заржавленным от долгого бездействия рельсам. Вдруг вожатый резко затормозил вагон. Кусков соскочил с подножки и увидел, как впереди, метрах в ста, по другому трамваю ударил фашистский снаряд...

Солдаты молча помогли перенести в свой вагон раненых. Потом двинулись пешком вперёд — туда, на «Динамо», где ждали их несколько сот ленинградцев — рабочих, фрон-

товиков. И дошли. Переодевшись в футболки и трусики, выбежали на изрытое снарядами поле стадиона под нестройный марш оркестра, под приветственные крики «болельщиков». И было чем восторгаться в ту незабываемую минуту: жив, жив советский спорт, живы спортсмены, не утратить их ни бомбами, ни огнём!

Вместе с другими судьями судил этот матч и Владимир Аполлонович. Ему, участнику многих международных встреч, повидавшему лучшие стадионы и лучших футболистов мира, это израненное поле и солдаты, гонящиеся за мячом, казались самым замечательным зрелищем на свете. И, отдыхая в перерыве между таймами, он мысленно ругал себя. Нет, с футболом **ражо** задумал прощаться. Они ещё нужны друг дру-

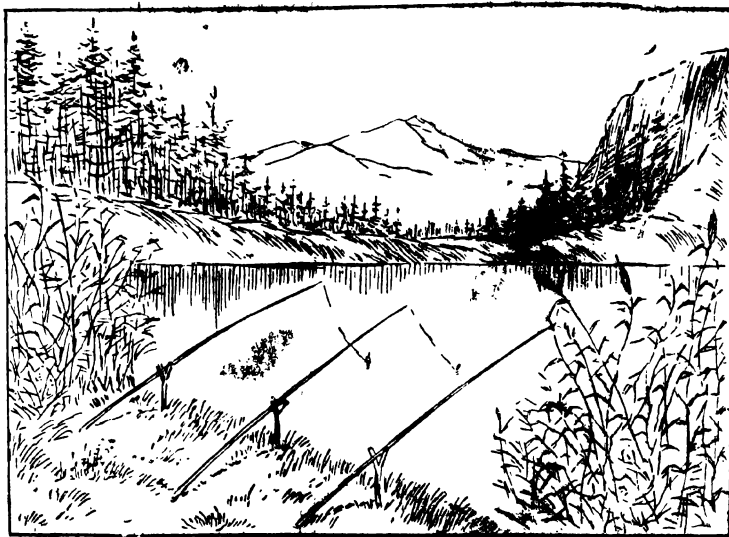
гу — заслуженный мастер кожного мяча и зелёное травяное поле!

ТАК Владимир Аполлонович снова вернулся в спортивный строй — стал учить молодых. После войны он организовал детскую футбольную школу «Зенита», а сейчас работает старшим тренером городской футбольной школы. Во многих лучших командах страны играют его бывшие воспитанники.

А самого Владимира Аполлоновича можно встретить на стадионе или на улицах Ленинграда. Шагает — прямой, сухощавый, подтянутый. Ветер треплет чуть поседевшие волосы. Но глаза смотрят так же зорко и молодо, как в дни, когда мчался нападающий республики в неудержимую атаку...

Где три рыбака?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Сказки дедушки Пахома

Кто идёт по склону балки
За плечами с рюкзаком,
В плащ-палатке?
Знать, с рыбалки?
Кто?
Да это ж дед Пахом,
Деревенский мой сосед
И рассказчик,
И поэт.
Знаю,
Дед меня уважит:
 Попрошу,
И вам расскажет
Про орла,
Про злую рысь...

Слушать только согласись.

Б Е Р К У Т

В заболоченном лесу
Поднял я
В кустах лису,
И увлёкся так охотой
В злополучный этот раз,

Рисунки И. Скоробогатова

Что в трясине
На болоте
Не заметил,
Как увяз.
Чуть не по уши,
По грудь
Засосало,
Не вздохнуть.
Я и так верчусь
И сяк,
Но не выбраться никак.
Вот беда, так уж беда!
И случится ж иногда!
Закричал.
Но кто услышит?
Разве ворон на сосне,
Что сидит
И сказку пишет...

И досадно ж стало мне
Погибать,
И так бесславно,
И лежать в земле сырой...

Глянул в небо,
 Кружит плавно
 Беркут
 Прямо надо мной!!!
 Я мгновенно притаился,
 Носом в глину —
 И
 Молчок.
 Коготь,
 Чувствую,
 Вонзился
 В плащ,
 В поддёвку
 И
 В плечо.
 Стукнул клювом
 Точно в темя.
 Я стерпел —
 Не вышло время.
 Миг —
 Орёл к плащу
 Прирос.
 Я как вскрикну!
 Хищник взвился
 И меня в когтях понёс.
 Вот беда, так уж беда!
 И случится ж иногда!
 Отдышался я немножко.
 В облаках,
 Гляжу, —
 Окошко.
 Над рекой орёл летит.
 А вода

Блестит,
 Блестит.
 Знал ли я
 Тогда, друзья,
 Что в живых
 Останусь я?
 Нет, не знал.
 Не мог я знать.
 Знал одно —
 Нельзя зевать.
 Быстро плащ тут
 расстегнул я.

Погибать —
 Не всё ль равно?!
 С лёту
 В омут
 Так нырнул я,
 Головою
 Ткнулся в дно.
 Выплыл
 На берег отлогий.
 И раздетый
 И босой
 По извилистой дороге
 Зашагал
 В село,
 Домой.
 В заключение скажем:
 Верно,
 Нету лиха без добра.
 Сказка кончена.
 Теперь нам
 Перейти к другой пора.

Р Ы С Ь

В правой —
 рыжики в корзинке,
 В левой —
 грузди в узелке.
 Я иду
 Лесной тропинкой,
 А ведёт она
 К реке.
 У реки —
 Огромный камень.

Там село
 Не за горами.
 В нём живут
 Мои друзья.
 Скоро дома
 Буду я.
 Только я
 Подумал это,
 Как раздался
 Станный звук

Из кустов,
Из гущи веток:
 Мя-ук!
 Мя-ук!
 Мя-ук!
Неужели рыжий кот
Убежал так далеко?
Подхожу,
Гляжу —
Котят?
Не котята,
А рысята.
Признак верный —
Близко рысь.
Ну, беда!
Теперь держись.
Осмотрелся я кругом.
Рысь
Лежит
На травке
Рядом,
Под ракитовым кустом...
Отступаю
Тихо,
Задом.
Не споткнуться бы притом.
Под каблук
Попал сучок.
Звук раздался,
Как щелчок!
Рысь проснулась,
Потянулась,
Осторожно
Оглянулась
И — ко мне,
Ползком,
Ползком.

Зверь опасный,
С огоньком.
Зверю бросил я корзину,
Сам стрелою за осину,
Быстро-быстро ватник скинул
И гляжу:
Лютует зверь.
Зубы крепки,
Когти цепки.
От корзинки —
Только шепки!
Но не струсил я, друзья,
Зверю бросил
Ватник я.
Когти в ватник
Рысь вонзила,
Рвёт со злостью...
Нет, ты врёшь!
Ватник новый!
Не порвёшь,
Не порвёшь,
Не тут-то было!..
Вдруг
Усатая
Завыла,
Бьётся,
Рвётся,
Лапы гложет —
Когти вытащить не может.
Когти в ватнике застряли,
Лапы хищника связали.
Сунув зверю
В зубы палку,
Толщиною
Так
Со скалку,
Я ремнём

Его взнуздал,
 Лыком крепким
 Увязал
 И по тропке
 Зашагал.
 Солнце светит надо мною.
 Груз тяжёлый за спиною.
 Вдруг
 Услышал сзади
 Звук:
 Мя-ук!
 Мя-ук!
 Мя-ук!
 Оглянулся я назад,
 А за мной —
 Гурьба рысят.
 Я сказал им:
 — Что ж,
 Валяйте!
 Только — чур! —
 Не отставайте.

Вот и речка,
 Вот и камень,
 И село
 Не за горами,
 За высоким
 Бережком...
 Школа —
 новый в краске дом.
 Обступила детвора...
 Тут рассказ
 Кончатся пора.
 Но прошу
 Всего два слова.
 Знайте деда-зверолова!
 Шустрых
 Маленьких рысят
 Сдал я в школьный зоосад.
 Сказка кончена.
 Гляди,
 Есть другая впереди.

Александр Прокофьев

НА ВЗМОРЬЕ

Выходила Галя к морю,
 Накупалась Галя вволю,
 Собирала Галя гальки,
 И над ней кружились чайки:
 — Что ты, Галя, делаешь,
 В наше море бегаешь?
 — Я песок здесь копаю,
 Куклу новую купаю!
 Кукле — горе
 Это море!
 Галя рада ему,
 А ещё, ещё тому
 Что у моря зяблики,
 На море кораблики!

Рис. Р. Фридмана

Антенна в космосе

ПРОШЛЫМ летом многие москвичи видели на выставке макет высокой тонкой башенки. Длинные оттяжки из кусков стального троса, скреплённые между собой изоляторами, поддерживали её.

Что это за башня? Оказывается, это макет необычайной телевизионной антенны. Её высота ни мало, ни много — пятьсот метров! Полкилометра стальных конструкций, укреплённых в небо!

Новую башню построят в Москве. Внутри мачты, как в стволе шахты, будут ходить скоростные лифты. На высоте двухсот и четырёхсот метров от земли устроят обширные площадки. Туда смогут подниматься туристы, чтобы полюбоваться красотой столицы. Представляете, какая замечательная панорама откроется с высоты!

У подножия гигантской башни раскинутся павильоны и студии нового телецентра. Стены из прозрачного стекла отделят его помещение от улицы. Простор и свет!

Сооружение будет великолепным. Только... зачем оно? Для чего нужна московскому телевидению такая антенна?

Вопрос этот совсем не такой простой, как может показаться сначала.

Прежде всего, что обозначает слово «телевидение»?

В справочниках сказано просто: «Передача изображения на расстояние». Отсюда и название произошло: «теле» — по-гречески — «даль».

Значит, «телевидение» по-русски — «дальновидение».

Однако двадцатый век — век точных научных определений. Что значит «даль»? Сколько это километров? Ведь понятие расстояния со временем меняется. Двести лет назад поездка из Петербурга в Москву считалась большим путешествием, а сейчас реактивный самолёт домчит до столицы меньше чем за час.

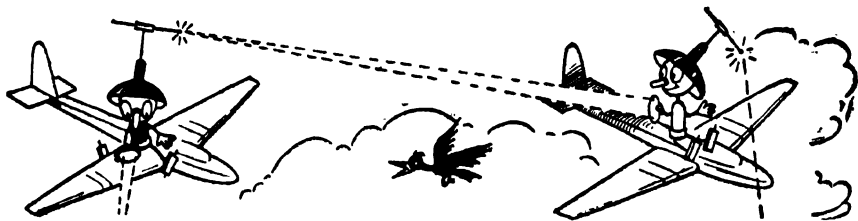
Как же понимать «далёкая передача»? Давай представим себе.

Ты подходишь к телевизору, поворачиваешь выключатель... Внутри приёмника тихонько загудело что-то, прошла минута, и большой экран телевизора засветился. Откуда-то из глубины всплыло изображение. Появляется человек — диктор. Он улыбается и говорит: «Внимание! Товарищи телезрители, начинаем передачу из Китайской Народной Республики. Наша передающая камера установлена в зале пекинской оперы. Смотрите и слушайте...»

Но я вижу, читатели недоверчиво качают головами. Не верят! Не верят, что, сидя перед обычным телевизионным приёмником в Ленинграде или Москве, можно увидеть передачу из Пекина.

Сознаюсь, я заглянул вперёд. То, о чём я сказал, — дело будущего.

А почему? Почему можно принимать радиопередачи за много тысяч километров, хоть с другой стороны Земли, а телевидение — нельзя?

Дело в том, что телевизионные центры работают на очень коротких радиоволнах. Специалисты называют их ультракороткими. Эти ультракороткие волны обладают удивительной особенностью: они распространяются не вдоль поверх-

но принимать не дальше этого расстояния.

Не только передачи из Пекина, но и московские в Ленинграде не увидишь!

Получается, что телевидение совсем не «дально», а «близковидение».

Увеличить дальность — одна из самых серьёзных задач, стоящих перед инженерами. И решить её совсем не просто.

Теперь, наверное, тебе понятно, зачем московскому телецентру нужна такая высокая башня.

Вспомни лето, пионерский лагерь, походы. Сколько раз, чтобы разглядеть теряющуюся вдали дорогу или отыскать свой лагерь, ты взбирался на крутые холмы, или, поплевав на ладошки, лез на высоченное дерево, стараясь добраться до самой вершины.

Сверху виднее! И чем выше, тем дальше и дальше отодвигается линия горизонта.

То же самое и для телевизионных сигналов. Выше передающая антенна — больше радиус действия передатчика, дальше летят радиоволны, дальше несут изображение.

При антенне высотой в пятьсот метров, — а такая и строится в Москве, — можно принимать телепро-

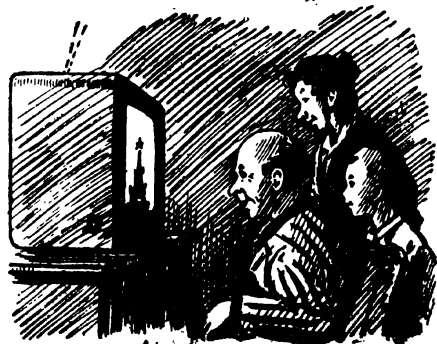

ности Земли, как длинные радиоволны, на которых идут радиопередачи, а строго прямолинейно — точь-в-точь как солнечный зайчик, отражённый от карманного зеркальца.

Любознательные ребята спросят: «Ну и что же из этого?» Подумайте! Земля круглая, а волны летят прямо. Получается так: сорвётся радиоволна с антенны и летит-летит, пока не встретится с горизонтом. Доберётся до него и уносится прочь от Земли, в пространство.

Выходит, что поймать ультракороткие волны можно только на таком расстоянии, откуда видна передающая антенна.

Инженеры подсчитали, что если поднять передающую антенну на сто пятьдесят метров, то она будет видна на расстоянии сорока пяти километров. Значит, и телепередачи мож-

граммы на расстоянии ста километров от телецентра.

И всё-таки это не решение вопроса. Поразмысли: от Москвы до Ленинграда — шестьсот километров. Как быть?

Неужели ленинградцам никогда не видеть праздничного парада на Красной площади тогда, когда он проходит? Не увидеть захватывающего футбольного матча в день игры? Неужели нужно ждать, когда парад снимут кинооператоры, проявят, высушат, отпечатают плёнку, привезут её из Москвы на ленинградский телецентр, и он покажет в своей программе этот киножурнал?

Это слишком долго. А нельзя как-нибудь обойти эти препятствия?

Вспомните, что случилось два года назад.

1957 год. Девятое ноября. В шесть часов вечера по ленинградскому телевидению неожиданно стали передавать концерт детского хора.

«Странно, — подумали телезрители, — обычно передача начинается в половине восьмого»

Изображение было не таким, как всегда. Картинка на экране иногда сбивалась и была видна не совсем чётко. Не раз зрители, собравшиеся у приёмников, отпускали в адрес операторов далеко не лестные замечания.

Прошёл час, и голос диктора

объявил: «Мы передавали первую опытную передачу из Москвы».

Как из Москвы? Не оговорился ли диктор?

Зазвенели на телецентре телефоны. Но ошибки не было...

...Задолго до этого ленинградский учёный профессор Павел Васильевич Шмаков предложил для дальней передачи использовать... самолёты. Он посоветовал поднять антенну на такую высоту, чтобы сигналы отсюда летели не на шестьдесят километров, а в пять — шесть раз дальше.

И вот над городом Валдаем, расположенным как раз посередине между Москвой и Ленинградом, поднялись самолёты. Две тяжёлые машины со сложной телевизионной аппаратурой, с инженерами на борту взлетели на высоту нескольких тысяч метров. Приёмная антенна, установленная на первом самолёте, хорошо «видела» Москву. Сигналы с антенны московского телецентра напрямую долетали до самолёта и отправлялись с него на землю, в город Валдай. Оттуда усиленные сигналы снова посылались в эфир, на второй самолёт, антенна которого была нацелена на ленинградский телецентр.

Так с «пересадкой» московская программа пришла в Ленинград. Это был первый опыт.

А теперь ленинградцы уже привыкли к тому, что каждый вторник на экранах наших телевизоров всплывает надпись: «Ленинград», начертанная латинскими буквами.

В этот вечер ленинградцы смотрят не только местные передачи. Вторая часть программы передаётся из Таллина.

Как же попадает эстонская передача к нам? Где, над каким городом поднимаются в воздух самолёты с аппаратурой? Ни над каким! В воз-

душном океане на трассе Ленинград — Таллин «телевизионных» самолётов не увидишь. Вместо них по всему пути на земле, широко расставив фермы-ноги, выстроилась шеренга башен радиорелейной линии.

У каждой наверху — две антенны. Одна смотрит в сторону Ленинграда, другая — Таллина. С верхушки первой башни видна вторая, со второй — третья, с третьей — четвёртая...

Так и идёт передача телевизионных сигналов — от одной антенны к другой.

Каждая башня работает автоматически, без помощи людей. Лишь в дни, когда нужно проверить аппаратуру или устранить случайную поломку, появляется здесь человек. Большим ключом он отпирает дверь маленькой будки у подножия башни, входит туда, где стоят шкафы с оборудованием.

Всё управление линией — включение, выключение — производится на расстоянии при помощи радиоволн.

Но неужели только для того, чтобы один раз в неделю передать телевизионную программу, построили столько антенн-башен? Конечно, нет!

Радиорелейные линии — самый молодой вид связи. Работают они на очень коротких радиоволнах. И по одной такой линии может идти одновременно больше сотни телефонных разговоров и телеграмм. Может идти и телевизионная передача. А ну-ка, посчитай, сколько для этого понадобилось бы кабельных линий и проводов!

Вот почему в решениях XXI съезда Коммунистической партии радиорелейным линиям уделено особое внимание. Протяжённость их к концу семилетки должна возрасти в шесть раз.

В самые отдалённые уголки нашей Родины придёт телевидение.

Но эта задача — задача сплошной телефикации Советского Союза — исключительно сложна. Приблизительные расчёты показывают: чтобы всю нашу необъятную страну покрыть сплошной телевизионной сетью, нужно построить не меньше двух тысяч

телевизионных центров и все их соединить между собой радиорелейными, кабельными линиями или линиями самолётов.

Длина таких линий составит многие десятки тысяч километров. А для обслуживания их понадобится не менее ста тысяч рабочих, инженеров и техников. Целая армия!

Как быть? Если рассчитывать, что придёт время и вся земля покроется высоченными башнями-антеннами, по которым от одной к другой понесутся телевизионные сигналы, — ждать придётся долго. Мы, пожалуй, рискуем никогда не увидеть передач из Китая.

И всё-таки, если это сделать, не все граждане нашей страны смогут принимать телевизионные передачи.

Из географии родной страны ты знаешь, что многие её районы покрыты высокими горами. Люди живут в глубоких долинах, по берегам бурных горных рек.

Но ведь ультракороткие волны, как я уже сказал вначале, не могут огибать горы и забираться в лощины.

И здесь советская наука внесла своё веское предложение.

Четвёртого октября 1957 года в СССР произведён успешный запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Весь мир, затаив дыхание, следил за полётом маленькой Луны, созданной руками и разумом советского человека.

Открылась эра космических полётов.

А инженеры-радиотехники сказали: «Теперь можно решить задачу, которая ещё недавно казалась смелой мечтой, — передавать телевизионные сигналы с одного континента на другой».

Как же добиться этого?

Можно запустить спутник.

На этом спутнике установят мощную станцию, антенны которой будут принимать сигналы от специального телецентра Земли. Станция усилит эти сигналы и передаст их обратно на Землю — в любую точку того полушария, над которым находится телеспутник.

Питать аппаратуру спутника будут замечательные солнечные батареи, точь-в-точь такие, какие вот

уже почти год работают на третьем советском искусственном спутнике. Впрочем, может быть, применят маленькую атомную электростанцию.

Вот уж это будет действительно самая высокая антенна в мире!

Но я чувствую, что тебе, читатель, хочется задать вопрос: «Какая же это антенна? Антенна прочно стоит на одном месте, а спутник летает вокруг Земли. Пролетел за минутку от горизонта к горизонту — и нет его. Что ж, значит, и телевизионные передачи с него можно будет принимать только одну минутку?»

Отвечаю. Конечно, нет! Такая передача никого не удовлетворит. Но учёные высчитали: если спутник отправить с экватора в сторону вращения Земли и заставить вращаться на высоте тридцати шести тысяч километров, то он будет облетать Землю как раз за одни сутки, то есть за то время, в течение которого Земля поворачивается вокруг своей оси. А раз так, то с Земли будет казаться, что спутник всё время неподвижно висит на одном месте. При этом его одновременно смогут видеть народы всех стран, расположенных на данном полушарии.

Тогда телевизионные передачи смогут принимать и в горах и в долинах, на кораблях, пересекающих моря и океаны, в далёкой, суровой Арктике и даже в Антарктиде. Конечно, на такой спутник будет оказывать некоторое влияние притяжение Луны и Солнца, но так незначительно, что можно с уверенностью сказать, что год или полтора спутник спокойно продержится на одном месте.

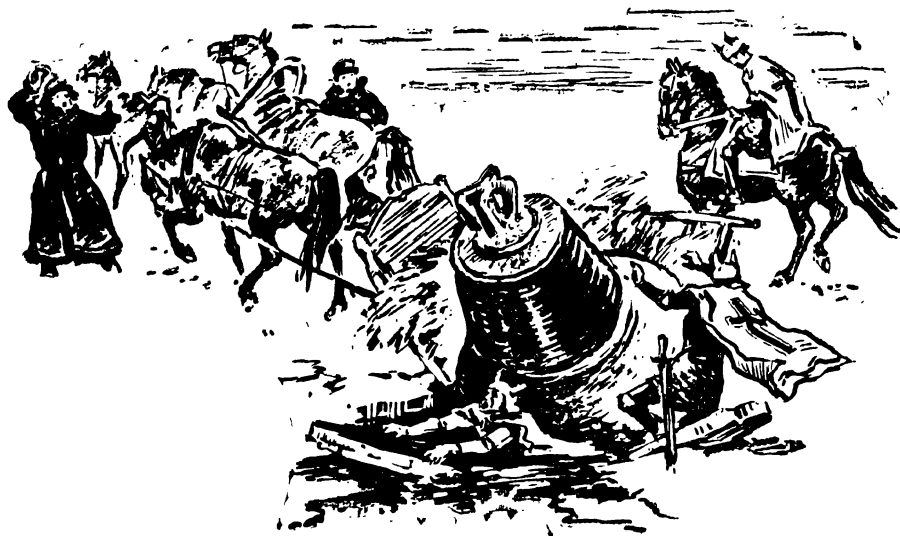
Неожиданное спасение

Ученики 4-а класса 30-й школы Лёва и Юра Большаковы пишут, что хотят видеть в «Искорке» побольше весёлых картинок. В письме они прислали рассказ в рисунках о том, как заяц спасся от лисы.

Художник К. Бекташев сделал по их теме рисунки, которые вы видите на этой странице.

В краю легенд и кладов

Летопись донесла до наших дней рассказ о Ледовом побоище — славной победе русских войск над немецкими рыцарями на Чудском озере в 1242 году.

«И бысть ту сеча зла и велика... — записано в летописи. — И бе труск от копий ломления и звук от мечного сечения... И не стало видно льда, ибо покрывся он кровью».

Враги обратились в бегство. И воины Александра Невского гнали их по льду озера семь вёрст. Провалился лёд под тяжёлыми всадниками, и тех, кто ещё не был убит, ранен или взят в плен, поглотила холодная вода.

Битва на Чудском озере вошла в историю. Но странная произошла вещь: до сих пор никто точно не знал, где же произошла великая битва. Это место в русских летописях указано совершенно точно: на Узмени, у

Вороньего камня. Туда и поехал несколько лет назад ленинградский военный историк генерал-майор Георгий Николаевич Караев, чтобы осмотреть поле исторического сражения. Но... Георгий Николаевич не нашёл этого места. Больше семи веков прошло с того дня, как были разбиты псы-рыцари. Не только люди, даже природа изменилась за это время! Нет теперь на Чудском озере места, которое бы называлось Узменью. А Вороньих камней, наоборот, насчитывается чуть ли не с десяток. Там, где некогда росли густые леса и стояли селения, теперь колыхутся водоросли и плавают рыбы. Озеро разлилось и расширилось.

Так пропало место Ледового побоища.

И вот уж несколько лет ищут историки следы минувшего.

Дважды Г. Н. Караев выезжал с научной экспедицией на Чудское озеро. Где-то здесь, под водой, скрыто легендарное место, но где? И Караев делал такие предположения:

Зимние торговые пути XIII века прокладывали обычно по руслам замёрзших рек. Эти пути соединяли Псков и Новгород с Ригой и Тарту. Так же могли продвигаться и войска со своими обозами. Когда произошло сражение? Ранней весной. Значит, кругом ещё лежали глубокие снега. Стало быть, оно могло разыграться только где-нибудь на льду у скрещения больших дорог.

И Георгию Николаевичу стало ясно: для того, чтобы найти место исторической битвы, надо восстановить карту тех далёких времён, узнать, где проходили дороги, волоки, переправы, где строили псковичи свои военные укрепления.

Но как представить себе всё это, если дороги заросли, а время сравнило древние городища с землёй? Но, может, сравнило оно не всё? Летом 1958 года экспедиция Академии наук вновь выехала на поиски.

И почти в то же самое время, другим путём, направился к Чудскому озеру ещё один, очень маленький экспедиционный отряд.

Через 716 лет, 3 месяца
и... 10 дней

ЧЕЛОВЕК в походном костюме сидит на траве, прислонясь к дереву. В руках у него раскрытая книжка, но трудно

сказать, читает он или просто рассказывает. Двенадцать ребят тесным кольцом окружили его. Притихли, слушают. По вспотевшим лицам, пропылённой одежде и тяжёлым рюкзакам, которые сброшены тут же, под деревом, можно судить, что прошли они уже немало километров. Но глаза их горят, будто только что увидели, как врезаются псы-рыцари в ряды русских ратников. Как дрогнуло псковско-новгородское войско. И как ударила дружина князя Александра Ярославича...

— ...А было это в субботний день, 5 апреля 1242 года, — заканчивает свой рассказ человек, сидящий под деревом.

— 716 лет 3 месяца и... 10 дней тому назад, — шёпотом подсчитал кто-то из ребят.

Человек отложил в сторону книжку, достал из планшетки карту, и все потянулись к ней. Вот оно, Чудское озеро, продолговатым пятном синее на карте. Как найти на этой спокойной глади место исторической битвы? Но ведь учёные ищут. И они, туристы Октябрьского дома пионеров Ленинграда, тоже будут искать. Как знать, может быть, удастся им помочь учёным хоть немножко!

Уже несколько дней идут ребята. Остался позади древний Гдов и много деревень. Впереди долгий путь по восточному побережью Чудского озера. По заданию Ленинградского дома учёных ребята должны разведать, где и какие сохранились памятники XIII века, нет ли тут могильников и древних городищ.

Евгений Платонович Никола-

ев, руководитель похода, складывает карту.

— Пора, — говорит он и поднимается.

Все быстро разбирают рюкзаки.

Сегодня первый день настоящей экспедиционной работы. Евгений Платонович и двое мальчиков покидают отряд: на пути встретился древний могильник («жалыник», как их тут называют, от слова «жалеть»), надо описать его, нанести на карту. Остальные же, не задерживаясь, пройдут вперёд и выберут место для лагеря.

Солнце поднялось высоко, и порядком бы припекало, если бы не свежий северо-восточный ветерок. Отряд шагал по низменной однообразной равнине, поросшей ивняком, ольхой и берёзой.

— Озеро! Где же оно? — не то удивлённо, не то обиженно говорит Люся Антоничева. — Идём, идём, а всё не видать.

...Уже в серебристом свете сумерек блеснула впереди гладь воды, и темнеющая масса холма

приподнялась над равниной. Ох, наконец-то! Теперь поскорее набрать коряг-смоляков для костра да сварить ужин! Потом нырнуть в палатку и... проснуться от птичьего гомона, проснуться бодрым, отдохнувшим, весёлым.

А на другой день в походном дневнике появилась такая запись:

«Для стоянки мы выбрали красивое место. Представьте себе среди низменной равнины два холма как бы со срезанными верхушками и у подножья их небольшое озеро. На одном холме — заросли цветущей сирени. Тут мы и расположились на ночлег. Если посмотреть вдаль, то видны две деревушки, за которыми светлеет полоса Чудского озера. Деревушки называются Стороженец и Речица.

Стороженец! Какое хорошее название! Так и представляешь себе при этом имени бревенчатые толстые стены, дозорные вышки — настоящую пограничную заставу на рубеже русских земель. Может быть, и правда несли в этой деревушке дозор

воины Александра Невского? Вряд ли! Деревенька в пять домов, что можно найти здесь интересного?»

Днём путешественники хорошо огляделись вокруг и заметили, что холмы, на которых разбит лагерь, какой-то необычной, правильной формы. В центре пологого холма возвышалась пирамидка, тоже земляная. Одна сторона холма резкой крутизной спускалась к озеру.

— Похоже, что кто-то рыл здесь этот обрыв и насыпал это возвышение, — задумчиво сказал Евгений Платонович, разглядывая местность.

На карте эта высота не была обозначена. Археологи, давая задание отряду, тоже ни словом о ней не обмолвились.

— Так близко у дороги — и вдруг неизведанное место! Почему? — удивлялись ребята.

Разгорелся спор.

— Раз нет на карте, значит, это ерунда и нечего обращать внимание на всякие пустяки, — говорили одни.

— Мы для того и пошли в поход, чтобы искать неизвестное, — говорили другие. — А может быть, это древний курган, и в нём скрыты какие-нибудь сокровища!

— Тут? Подо мной? — выпучил глаза Витя Исанин.

— Да. Под тобой, — веско ответил староста отряда Володя Шаров. И больше никто ему не возражал.

Решили обмерить и описать высоту, чтобы потом сообщить о ней археологам. Сейчас же, не откладывая, Женя Павловский

принялся большими шагами измерять длину и ширину холма.

— Как грач на пашне! — смеялись девочки, глядя, как он шагает.

А Женя — ноль внимания: известно ведь, девчонки любят почесать языки! Зато Герман, тот молодец — занят делом: сбегал и сфотографировал холм!

И вот снова пылится под ногами дорога. Слева — необъятное море зелени. Справа — бесконечная гладь Чудского озера, уходящего за горизонт.

И следующую запись в дневнике, без сомнения, сделали девочки:

«Восемь километров мы шли по самому берегу. Все разулись и шлёпали босиком, то по воде, то по песочку, радуясь солнечному дню и ласковой волне. На-

конец мы вышли на песчаные дюны у деревни Залахтове и, обойдя заболоченный залив, в сосновом бору на берегу озера остановились на привал».

Дюны здесь зовут развееми. Перекатывает ветер песчинки с места на место. То тут, то там вырастает гряда песка. Обовьёт гряду песка цепкая трава — лиловый вереск, вырастет на ней корявая сосна. Стоп! Значит, накрепко осел песок. А нет, — подует порывистый вихрь и развеев всё, что раньше сам выстроил.

И давно уже заметили местные жители: ни с того ни с сего выходят вдруг из-под песчаных развеев разные диковинные вещи: то черепок неведомой раскраски, то вдруг монетка жёлтенькая, кривобокая, а то и клинок, изъеденный ржавчиной.

И живут в народе легенды о кладах, которые прячет в песок вольный ветер.

Что прятал ветер

ШЛИ дни. То тут, то там вырастал весёлый бивак туристов — три палатки зелёные и одна, поменьше, жёлтенькая.

Однажды ранним утром возле мокрых от росы палаток послышалось чьё-то деликатное, осторожное покашливание.

Выглянул Евгений Платонович и увидел старика с седой бородой, с посошком в руке. Видимо, дедушке уже надоело ждать. И то ведь, кто спит — не услышит, а кто проснулся, так всё одно вставать надо!

— Здравствуйте, — сдёрнул он кепку. — А я к вам по делу.

— Слушаю вас! — ответил

Евгений Платонович, и сразу же стали высовываться из-под брезента палаток ребята.

— Слышал я, клады вы ищите, — начал дедушка.

— Клады не клады, а так, старину смотрим.

— Хочу я вам сказать — смотрите тут, на развеех, получше. Ещё когда я таким мальчонком был, — он опустил руку к земле, — давно, играли мы раз в этих местах. Прыгнул я с дерева на песок, чувствую — никак твёрдое под ногами... И торчит из песка рожок, а в нём — монетки. Золотые. После того ходили, правда, с лопатами, да без толку. А вы тоже ищите, глядишь — и найдёте!

Потом старик указал место, где лучше искать: в красных песках.

— Крови тут много пролилось, пески-то и окрасились, — объяснил он.

Не теряя времени, ребята взялись за лопаты. Их трофеями были: 9 глиняных черепков, 4 гвоздя с необыкновенно боль-

шими шляпками и ржавая жестяная коробка...

Но даже после этого вера в «клады» ничуть не поколебалась! Ведь в деревнях показывали ребятам древние монеты и даже старинное оружие...

Открытие. Самое настоящее!

НО вот и Самолва, конечный пункт маршрута. Здесь жизнь была ключом. У ребят просто глаза разбежались!

На воде у причала покачивалась целая флотилия, переданная в распоряжение экспедиции рыбаками: катера «Лещ», «Судак», «Быстрый» и маленькое моторное судёнышко с гордым морским названием «Килька».

По улицам села, урча, катили машины-амфибии, а на берегу о чём-то оживлённо спорили люди-амфибии, жестикулируя ластами. Это была, как потом выяснилось, сборная команда аквалангистов первого морского клуба Ленинграда.

Вообще вокруг было столько диковинного, что ребята сразу забыли о том, что они сами — учёные туристы, и превратились в обыкновенных мальчишек и девчонок, которые глазят во все глаза. И в самом деле было

на что посмотреть. Скажите по совести, видели вы вертолёт — не в небе, а на земле? А здесь их было целых два. А пробовали вы влезать в водолазный скафандр? Или освещать дно специальной осветительной аппаратурой?

А сколько народу было здесь! И водолазы, и археологи, и лётчики, и шофёры, и мотористы. Даже на славной «Кильке» был свой капитан.

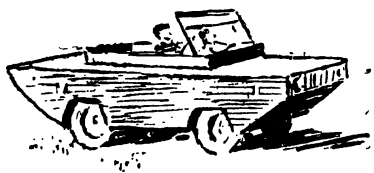
Но настал час, когда начальник экспедиции генерал-майор Караев попросил туристов рассказать о результатах их похода. Он так и спросил:

— Ну, что вам удалось найти?

Докладывал Евгений Платонович, а ребята... ребята в это время переживали: «Тут люди работают, вот это да! А что мы? Клады искали. Легенды, черепки. Крестики! Эх!»

Но почему же так внимательно слушает Георгий Николаевич рассказ об их поисках? Он вертит в руках черепки, найденные в развях, и говорит, что, по

всей видимости, они относятся к XVI—XVII векам. Проверяет список осмотренных жальников и удовлетворённо кивает головой. Евгений Платонович протягивает ему план холма у деревни Стороженец, сделанный Володи Шаровым. Глаза Караева напряжённо щурятся.

— Стороженец? Постойте, это похоже на... Минуточку, надо посоветоваться с археологами. Павел Александрович, — спрашивает он немного погодя сотрудника экспедиции, — у деревни Стороженец, вы не знаете, нет следов укрепления?

— Не слышал. Вот за Островцами мы искали городище, но пока безрезультатно. А по слухам оно где-то там, недалеко.

— А что вы скажете вот об этом? — Караев положил перед археологом план холма.

— Похоже на искусственное земляное сооружение, — подумав, ответил тот. — Надо выслать вертолёт и проверить.

— Но если там окажется городище, — сказал ребятам Караев, — то, значит, вы сделали открытие. Самое настоящее.

Холм действительно оказался городищем. Очень древним. Это был один из сторожевых постов на рубеже русских земель. Долго потом удивлялись ребята: спали на этом холме, разводили костёр, бегали и вдруг — городище! Открытие!

Невольно вспомнился спор на

холме у деревни Стороженец: мерить или не мерить, фотографировать или не надо... В науке-то, действительно, каждая «мелочь» может пригодиться.

Тайны раскрываются

ОТСЮДА, из Самолвы, провели школьники свой последний поход — вверх по реке Желче, которая впадает в озеро около самого села. Плыли на моторной лодке.

— Могла ли служить эта река путём передвижения войск? — рассуждали ребята. — Если Александр Невский поставил свои полки недалеко от устья Желчи, то, значит, вёл он их по замёрзшей Желче?

Мерно стучит мотор. Под хмурым небом потемнела река и белые барашки вскипают на волнах. Болотистые берега унылы и пусты, нечего смотреть! Холодный ветер загнал ребят на корму, под защиту рубки. Одно утешение — рассказы старого рыбака.

— Давным-давно, — говорил он, — уже никто и не помнит точно когда, разграбили рыцари церковь, ту самую, что после была отстроена снова на Ко-

быльем городище (она и теперь там стоит). Взвалили они колокол на сани и повезли по озеру на свою сторону. И что же? Рухнул под санями лёд, ушёл колокол на дно. С тех пор в бурную погоду, в ненастные ночи звонит он под водой, указывает рыбакам дорогу к дому!

Эту легенду здесь передают из уст в уста.

Поездка на катере оказалась очень удачной. В верховьях Желчи есть деревня Волошна. Близко от того места протекает речка Люта. Люта впадает в Плюссу. Целая водная система. И чтобы попасть в неё, надо перетаскать лодки волоком из Желчи в Люту.

— Волошна, волок, — повторяли то и дело ребята и с удовольствием следили, как похожи друг на друга эти два слова. — Волок, волошна... Значит, не только в легендах, а и в названиях живёт история!

В Самолву ребята вернулись окрылённые.

Если б можно было подольше остаться в этих удивительных краях! Ну хотя бы ещё на недельку.

Но Евгений Платонович умолим:

— Наше время истекло, пора возвращаться в Ленинград!

А до чего жаль! Именно сейчас в Самолве начинается самое интересное.

Археологи вскрыли жальник XII века. Целый день сидят на корточках, ножом соскребают слой за слоем землю. И ребята тут же. Как не посмотреть на раскопки! Вот уже весь скелет виден. Обыкновенный скелет, а

учёные говорят: это похоронен воин, убитый в бою.

Топографы вычерчивают какой-то план. Говорят, ещё одно древнее укрепление. На острове Городец открыли. А как его нашли? По названию острова. Почему бы острову называться Городец? Проверили, осмотрели и увидели под водой следы земляного вала и каменную кладку. Ясно, что тут был укреплённый «городок».

А водолазы! Чего только не обнаружили они под водой! Во-первых, леса, вернее, их остатки: коряги дуба, ели, сосны. Во-вторых, пожарище — остаток фундамента и обгорелые куски дерева. В-третьих, сложенную из камня стену возле острова Вороний. Сколько же тайн скрыто под водой? Раскроют ли их когда-нибудь?

Но, оказывается, раскрыты уже многие из них.

Пожарище под водой — след церкви, сожжённой немецкими рыцарями. Эту церковь построили русские на «обидном месте» (обидном для рыцарей), в память победы Александра Невского. Значит, совсем близко тут где-то было Ледовое побоище? Тогда Вороний остров и есть тот Вороний камень, у которого стояли русские полки. Кстати, там и крепость была. Да, по всему выходит так.

Но где же Узмень? Удалось ли найти её?

— Вот Узмень, — сказал ребятам Караев и указал на озеро.

Узмень, узкость, узкое место между Чудским и Псковским озёрами. Семь веков назад здесь был проток, а теперь — целое озеро. И, заметьте, называется оно Тёплое озеро. Легко предположить, что именно здесь, где местами бывает не очень прочным лёд, ушло под воду рыцарское войско.

Через несколько дней водолазы должны были начать прощупывать дно озера металлочувствительными приборами.

Если им удастся найти металл на дне, значит, догадки эти окажутся верными. От такого сообщения даже дух захватило у ребят!.. Но... им пора было домой, в Ленинград. Последний раз на катере «Лещ» проехали они по историческим местам, где произошли такие славные события.

Прощай, край легенд и клеев, прощай, озеро!

★

«Искорка» уже была подготовлена к печати, когда на Чудское озеро вновь выехала экспедиция Академии наук. Металлочувствительные приборы нащупали на дне, в глубоком иле, металл. Что там? Шлемы? Щиты? Или тяжёлые панцири боевых рыцарских коней? Скоро это станет известно. Мощные гидромониторы размоют толщу ила и тогда окончательно будут проверены догадки учёных.

Большой труд экспедиции подходит к концу. И в этом труде есть маленькая доля и отряда туристов из Октябрьского дома пионеров Ленинграда.

Стихи чукотских поэтов

Юрий Анко—первый эскимосский поэт. Он — человек смелой профессии. Анко—первый в нашей стране лётчик-эскимос, работает в полярной авиации. Скоро выйдет в свет первая книжка его стихотворений.

Юрий Анко

Я вырос

Утром сам я поднимаюсь,
Вместе с солнышком встаю,
Сам теперь я одеваюсь,
Сам теперь я умываюсь,
Сам я песенку пою.
Я теперь уж не упрямый,
Я теперь привык к труду.
А когда позволит мама, я иду
на берег прямо,

Раньше всех туда иду.
Солнце весело смеётся,
И волна о скалы трётся,
Ветер свищет на бегу.
Хорошо на берегу!
Утрѣ — время для охоты:
На китов идут вельботы.
Утром я на берегу
Лахтака подстерегу.
Мне понятен говор птичий,
Моря плеск давно привычен,
Рано встать — обычай мой.
У кого такой обычай, тот
с богатою добычей

Возвращается домой.
А лентяи-лежебоки,
Те, кто любит сон глубокий,
Кто к обеду еле-еле
поднимается с постели.—
Не добудут ничего!

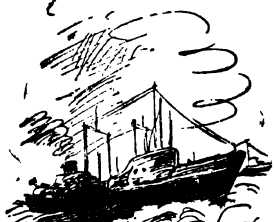

Рис. В. Вильнера

Виктор Энмынкау получил образование на отделении народов Севера Педагогического института имени Герцена в Ленинграде.

Работал на Чукотке журналистом, теперь — партийный работник.

Чукчанка Антонина Кымытваль — учительница. Она преподаёт в школе села Усть-Белая на Чукотке.

Кымытваль в прошлом году закончила Анадырское педагогическое училище.

Виктор Энмынкау

Кремлёвские звёзды

Что за звёзды яркие сияют
Над великой Родиной Советов
И вперёд шагать нам

помогают

По дороге ленинских заветов?
Это звёзды Родины любимой,
Это наша Партия родная
Светит, как маяк неугасимый,
О народном счастье

помышляя!

Эти звёзды на кремлёвских
башнях

Сам Ильич зажгёт.

И в целом мире

Виден свет их: на заводах,
пашнях,

В шахтах, в море и в любой
квартире.

И Чукотке светят эти звёзды,
Маленькому нашему

народу, —

Учимся, работаем и строим,
Смело завоёвываем воздух,
Море покоряем, шахты

строим,

Побеждаем мрак и непогоду.

Нет, не в сказке, — это будет
скоро, —

Под лучами звёзд твоих,

Отчизна,

Мы воздвигнем в тундре

новый город,

Озарённый светом

Коммунизма!

Антонина Кымытваль

Ветерок

По нашему посёлку

Гуляет ветерок

И не найти под снегом

Тропинок и дорог.

Озорничает ветер,

И, людям на беду,

Он облачком завесил

Весёлую звезду.

Напрасны все усилия, —

Красива и горда,

Как лампочка, сияет

Весёлая звезда.

Ей не страшны ни ветер

И ни мороз седой.

Зовут её повсюду

Полярною звездой.

А ветер разозлился,

Не хочет отступать,

На землю опустился,

Ярангу стал ломать.

Он дул, свистел, метался,

Но, сколько ни пыхтел,

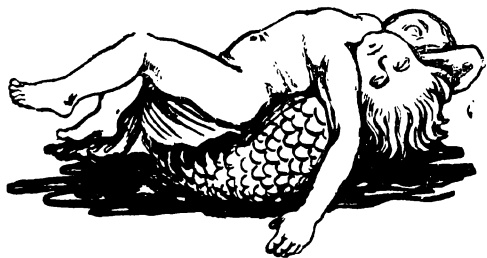
Бессильным оказался

И в тундру улетел.

Перевод с чукотского
В. ПОРТУГАЛОВА

Мальчик на дельфине

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА

МАЛЕНЬКИЙ мальчик, свободно раскинувшись, лежит на спине дельфина. С виду кажется, что мальчик спокойно спит, но на правой стороне его груди рана.

Дельфин же держит широким губастым ртом волнистую прядь волос мальчика, а его слегка выпученные глаза подёрнуты слезой и наполнены невыносимым горем и страданием.

Такую скульптуру, высеченную из камня итальянцем Лоренцо Лоренцетто, увидел я в музее «Эрмитаж» в Ленинграде, и вот какую легенду рассказала мне о ней сотрудница музея.

НА берегу моря в рыбацком посёлке жил маленький мальчик. Он часто ходил по горячему прибрежному песку и смотрел в синие морские дали.

Однажды мальчик увидел, что в сетях, поставленных рыбаками у берега, бьётся необыкновенный дельфин с широким губастым ртом и без острого плавника на спине.

В слегка выпученных глазах дельфина была страстная мольба о свободе, и мальчик смело разрезал острым камнем сети и выпустил пленника на волю.

Дельфин коснулся губами груди мальчика, будто поцеловал своего избавителя, и стремительно уплыл в море. Теперь мальчика каждый день тянуло к этому месту. Он приносил с собой хлеб, звал дельфина и, когда тот приплывал, кормил его, бросая в воду крошки.

Потом мальчик купался и играл с дельфином. Вначале они играли у берега, но с каждым днём стали удаляться от него всё дальше и дальше. Мальчик ложился на спину

своего друга — дельфина, и они уплывали в открытое море и там на просторе играли. И каждый день мальчик возвращался домой с мокрой головой. Отец и мать заметили это и сказали сыну, что он ещё мал и может, купаясь, утонуть, и запретили ему ходить к морю.

Весь день мальчик просидел возле дома и всё смотрел и смотрел в морскую даль. Ночью он плохо спал, а утром убежал к морю.

На этот раз дельфин и мальчик, несказанно радуясь встрече, уплыли так далеко, что не стало видно берега. И здесь их совсем опьянил морской простор — они то взбирались на гребень пенистой волны, то стремительно летели оттуда вниз, то гонялись за пугливыми рыбками, то неподвижно лежали на волне, нежась в солнечных лучах, а то просто играя.

Они не заметили, как собралась гроза. Неожиданно грянул гром и засверкали молнии. Вдруг мальчик соскользнул с дельфина. Дельфин нырнул, подхватил его, вынес на поверхность моря и здесь заметил, что вода стала красной.

Откуда кровь? И почему мальчик стонет? Может быть, он, дельфин, ударил его нечаянно плавником? А может, мальчика ударила страшная молния?

И дельфин помчался, как безумный, к берегу, к людям.

Он мягко выскочил на прибрежный песок, но мальчик не встал с него, как бывало раньше, и даже не пошевелился. Дельфин слегка подёргал его за прядь волос, но мальчик по-прежнему был неподвижен.

И тогда горем и страданием наполнились глаза дельфина, он застонал и сам стал так же каменно неподвижен, как мальчик.

Краткое содержание предыдущих глав

После революции фабрикант Андрей Алексеевич Шереметьев эмигрировал в Югославию и поселился в небольшом городке Бор. В дороге он подобрал негритянского мальчика Александра. Шереметьев невзлюбил негритёнка. Тяжело жилось Саше у «опенуна», и только хорошее отношение сестры Шереметьева, Веры Алексеевны, и её дочери Лины скрашивали его жизнь.

Началась война. В Боре появились фашисты, а в близлежащих горах — партизаны. Они разгромили рудник, на котором работал «дядька», и он ещё больше озверел. Теперь не проходило дня, чтобы он не порол Сашу. Жизнь Саши стала невыносимой, и он решил бежать. Но куда? Приятель Бобик Дроздовский звал его к себе. Нет, лучше к Вере Алексеевне: там Лина. В последний момент мальчик вспомнил, что у Веры Алексеевны поселился фашистский офицер... Но раздумывать было некогда. Утром Саша направился к её дому. Дверь с чёрного хода не была заперта, и он вошёл в дом. В квартире никого не было. Пробравшись в спальню, увидел рядом с кроватью на полу спящего фашиста. Саша хотел бежать, но в квартиру кто-то вошёл. Это был его «дядька». Он возился у сундучка, пытаясь его вскрыть. Это ему удалось, но замок был со звоном. Фашист проснулся. Шереметьев выронил альбом, который вытащил из сундучка, и исчез. Саша схватил альбом, выпрыгнул в открытое окно. Прижимая к себе альбом, он пробрался к сараю, где жил Боб Дроздовский. Теперь ему приходилось самому заботиться о своём пропитании. Саша встретился с ворами, чуть не попал в их шайку. Но в первом же «деле» его задержали и возвратили к ненавистному «дядьке». Избитый лежал Саша на скамейке в ванной, и там он случайно услышал, что тётки Веры и Лины нет в Боре, они живут сейчас в Белграде, в Земуне. В ту же ночь Саша исчез.

На тендере паровоза он добрался до Белграда, но попасть в пригород Земун ему не удалось. Надо было перейти мост, а его охраняли. Шатаясь по городу, Саша на одной из улиц встретил большую колонну женщин и детей — их угоняли на работу в Германию. Вдруг он услышал из толпы голос Лины: «Пустите меня... Я пойду с мамой...» Саша бросился в толпу, но его схватил полицейский и доставил в участок. С большим трудом удалось бежать. Он решил пробраться на вокзал. Но там он попал в руки эсэсовца. Тот втолкнул мальчика в вагон, где были солдаты, одетые в итальянскую форму. Это были солдаты итальянского батальона, отказавшиеся ехать на русский фронт. Они потребовали, чтобы их отправили домой.

...Поезд прибыл в Германию. Саша попал в немецкую комендатуру. Ему приказали помогать на кухне поварихе лани Брониславе. Там же работала девочка Кася. Она слегка прихрамывала, всегда смотрела вниз. Её считали дурочкой. Повариха и девочка были польками, угнанными фашистами на работу в Германию. Здесь Саша подружился со стариком возником Куртом Фишером, который хорошо относился к мальчику. С Касей вначале он почти не разговаривал, но как-то ночью она рассказала ему о себе.

Однажды в комнату Каси вошёл комендант. Он приказал ей убрать у него в кабинете. Саша понял, что надо выручить Касю. Но как?..

Ему нужно было следующее. А дальше за угол. За углом дверь, которую не охраняют. Здесь только один — внутренний пост, под грибом посередине двора. А внутри штаба дежурит телефонист...

Ух, как бьётся сердце! Руки наши уходившую во внутрь дома густую дорожку проводов. Подоконник...

Нащупав фарфоровые трубочки, сквозь которые были протянуты провода, Саша подсунул намоченные им на кухне в керосине лучинки. Они входили с трудом, в пальцы впились занозы, но боль не чувствовалась. За окном, прикрытым плотно затянутой маскировочной шторой, слышалась глухая возня. Язычок пламени рванулся навстречу, прикрываемый серыми маленькими ладонями. Вот он уже проник внутрь. **Потянуло** запахом горячей краски. Ярость владыка сейчас мальчиком. Только бы там, в комнате, тот не хватился сразу...

Как сигнал бедствия, снап света вырвался из окна, под которым ждал Саша. С обрывком маскировочной шторы в руке прильнуло к стеклу испуганное лицо Каси. Мальчик увидел огромные расширенные глаза, открытый в немом вопле рот и пухлые мужские руки, тащившие девушку назад.

Саша не слышал ни свистков часовых, заметивших свет, ни топота ног. Взмахнув кочергой, он изо всей силы запустил ею в окно. И даже не ощутил, как впились в лоб осколки стекла. В глазах закипели слёзы, но не от боли, нет... Страшно видеть в беде товарища. Страшно быть бесправным, а ещё страшней — бессильным.

Какие-то офицеры схватили Сашу. Его трясли, требовали сказать, что он здесь делал. А он молчал. Не хотелось говорить и всё. Пусть убьют. Ему было теперь всё равно. Он не видел, как увели Касю, как исцара-

панный девичьими пальцами и осколками стекла ползал дома на коленях перед своей Матильдой комендант, умоляя не предавать огласке происшествие.

На допросе, глядя в залепленное пластырями лицо коменданта, Саша заявил:

— Ну, я кинул кочергу. Кругом все кричали: «Гаси свет, гаси свет!» Ну, я возился во дворе, увидел свет в этом окне, услышал крики, испугался и бросил.

У него было такое туповатое выражение лица, что ему поверили. К тому же в этой провинциальной комендатуре офицеры из колбасников и мелких лавочников полагали, что люди чёрной расы, как и прочие неарийцы, действуют больше всего инстинктом.

Только в глазах уполномоченного гестапо Саша заметил откровенную усмешку и потупился. Ленивым тоном гестаповец предложил выпороть черномазого и отправить в рабочий лагерь для перемещённых русских.

В один и тот же день две грузовые машины вывезли за ворота Касю с Брониславой и Сашу. Машина с женщинами и часовым в кузове пошла на Восток, Сашу повезли на Запад...

НОМЕР 1717. ♦ КУДА ИСЧЕЗЛИ ТАЛОНЧИКИ?
♦ В БУНКЕРЕ. ♦ ЧТО НУЖНО ДЯДЬКЕ АНДРЕЮ
АЛЕКСЕЕВИЧУ? ♦ НАДО БЕЖАТЫ!

— ХОП! Алекс, сюда! — высокий, стройный офицер постучал стеком по начищенному сапогу. — Иди за мной! — и зашагал чуть вразвалку, размашисто, так что Саша едва поспевал за ним.

Вытягивались, отдавая честь, чашовые на вышках, расставленных вдоль колючей проволоки. Проволока тянулась далеко, охватывая огромный прямоугольник, и рассекала его на три части. Проволочные решётки, словно стены клетки, замыкали длинные деревянные бараки. Туда медленно шли люди в синих куртках с нашитыми спереди и сзади буквами «ОСТ». Насупившись, стояли конвоиры в чёрных мундирах охранных войск.

Это был «трудовой лагерь германской рабочей армии» — «ТОДТ». Здесь томились люди, вывезенные из России.

Двое эсэсовцев заскочили в барак перед офицером:

— Встать!

Тлея в печурке уголёк. Плесенной влажностью тянуло от стен, из углов.

Нары... Над ними вторые... Над вторыми — третьи. С соломенных прелых матрацев поднимались с трудом люди. Поддерживая друг друга, цепляясь за доски, сползали вниз, выстраивались неровной цепью вдоль нар. Наголо остриженные головы, провалившиеся вглубь глаза, серая, обтягивающая кости кожа...

— Мне сообщили: вчера на вашем участке в цеху были найдены в отходах испорченные детали от снарядов. Кто сделал брак? — словно нехотя спросил по-немецки комендант, оглядывая шеренгу. Он тронул стеком Сашу по щеке:

— Переводи.

Саша добросовестно перевёл. Шеренга молчала.

Так же размеренно и лениво комендант продолжал:

— Даю две минуты на размыш-

ление. Не будет виновного — накажу каждого второго.

Снова Саша перевёл. И весь подался вперёд, когда совсем недалеко от него, раздвинув первый ряд, вышел русский паренёк небольшого роста. Куртка болталась на нём, как на вешалке, в старческих складках кожи на шее проходил длинный шрам. Позади него кто-то тихо простонал:

— Борька, зачем?.. Мне ж всё одно помирать! Слышишь, Борь?!

Парень повернулся к Саше:

— Это я допустил брак... Номер 1717.

Саша невольно втянул голову в плечи, скосив глаза на резиновые палки в руках эсэсовцев. Потом перевёл взгляд на парня. Удлиненное лицо его не выражало беспокойства. Только дёргалось левое веко да шрам на шее стал бурым.

Офицер обвёл взглядом лица «арбейтеров» и приказал:

— Двадцать палок за проступок, десять — за наглое поведение.

Словно мёртвые серые маски, застыли в шеренге люди, помутнели их глаза.

Бориса вывели из барака.

Саша плёлся сзади коменданта и всё смотрел в ту сторону, куда погнали номер 1717. Если бы он мог хоть чем-нибудь выразить ему своё восхищение! Но чем? Саша отличался от остальных заключённых лишь тем, что его не гоняли на работу, как их.

Каждый день в шесть часов утра синие колонны тянулись по улицам спящего городка к рощице на окраине. Там у замаскированных входов в подземный военный завод сталкивались рабочие из итальянского, французского и русского лагерей. Их колючие границы тянулись вокруг чистенького, прилизанного городка с аккуратными красочерепичными крышами.

Сытые, тепло одетые жители не-

больших особнячков в праздники приходили на кладбище в рощице у русского лагеря. Бормоча имя божье, они аккуратно укладывали цветы на могилы усопших родственников, давали указания окопать дёрн или подкрасить решётку и чинно возвращались домой.

Только дети с любопытством, исподтишка пытались разглядеть, что делается в лагере. Там русские дети из «семейного блока» выстраивались с матерями в очереди с мисками для супа. Лица ребят, сморщенные, как у старичков, от вечного недоедания, выражали желание — скорее... скорее. А глаза с надеждой следили — не перепадёт ли побольше кусочков картофеля...

— Ну, получил и пошёл! — капо (так звали в лагерях надсмотрщиков из заключённых) дал мальчишке подзатыльник. И вся стайка ребятишек у кухни разлетелась в стороны, чтобы разбрестись понуро по лагерю в поисках какой-нибудь еды.

— Ребятишек зачем трогаешь, гад! — Саша пробегал мимо кухни с поручением коменданта, когда услышал этот знакомый, с хрипотцой, голос. Номер 1717 с миской супа, ещё более осунувшийся, стоял перед здоровенным капо, зло бросая:

— Ты, шкура, помни, на родине ответ будешь держать!

Капо от ярости перекошил глаза. Ударив рукой по миске, он выплеснул её содержимое на землю: растекались кусочки брюквы, картофеля.

— Ты очутись сначала там, а потом пропаганду разводи...

Номер 1717, с ненавистью глядя на предателя, хрипло, но отчётливо проговорил:

— Предупреждаю тебя в последний раз — ребятишек не трогай!

И, не ожидая ответа, пошёл прочь, ссутулившийся, худой, голодный.

...Выполнив поручение, Саша уселся на пол в углу большой комнаты, где секретарша коменданта выдавала старостам бараков талончики на еду. Талончик на суп... Талончик на хлеб... Тщательно отчитав, секретарша проставляла их.

— Аллес... Всё.

Эту процедуру мальчонка наблю-

дал ежедневно так, как наблюдают порой за набегающими на берег волнами или муравьём, ползущим у ног. Но сейчас он вспомнил худое лицо с искусанными в кровь губами, с пустой миской в руках... Тот капо не дал номеру 1717 даже поесть... А чтобы получить другую порцию супа, нужно иметь талончик...

— Фрейлейн Лиззи, найдите ко мне, — послышался тягучий голос коменданта.

Старосты пошли к выходу. Секретарша бросила штампик в ящик стола и выбежала. Несколько минут спустя под руку с комендантом она проплыла через комнату на улицу.

Саша перевёл взгляд на стол. Потом приподнялся и медленно, словно нехотя, подвинулся вперёд. Глаза смотрели в окно, а руки нашарили ручку ящика, потянули на себя, залезли во внутрь, нащупали печатку. Раз, два, три — лихорадочно, торопясь, Саша штамповал талончики. Шум за стеной отбросил его от стола. Ещё через мгновение он оказался за дверьми.

Скупое зимнее солнце, не грея, освещало в этот предвечерний час лагерь. Часовой беспрепятственно впустил Сашу, как комендантского посыльного.

В шестом бараке многие уже лежали на нарах. Трое сидели у железной печурки. Едва тлевшее пламя накладывало на них розовые блики. В тёмном, занавешенном дырявым одеялом углу были слышны тихие голоса:

*Мы работы совсем не боимся,
Но работать для них не хотим.
Мы как будто поём, веселимся,
А в душе своей горе таим.
Выше голову, русские люди,
Будьте русскими всюду, всегда,
Скоро каторгу эту оставим
И вернёмся в родные места.*

На мальчонку никто не обратил внимания. Пробираясь мимо печки, он в одном из сидевших по голосу узнал номер 1717 и подошёл к нему:

— Выйдем, сказать надо... кой-чего...

Тот удивлённо посмотрел на него.

— Мне? Ну, садись, дорогой, говори. У меня от этих товарищей секретов нет.

Три пары глаз людей, клеймённых, словно скот, номерами, дружелюбно и выжидательно поглядывали на него.

— Не. Выйдем. Здесь нельзя.

Саша повторял свою просьбу настойчиво, пока, наконец, один из трёх не поднялся:

— Ладно, Борис, мы отойдём.

И пояснил мальчику:

— Нельзя ему выходить с тобой из барака: кто-нибудь даст знать коменданту — есть и такие прохвосты среди здешних. Ну и начнут из вас обоих тянуть жилы — зачем ходил? Понял?

Двое встали спиной к печке, зашлониив сидевших возле неё. Саша вытащил из-за пазухи талончики. Сунул их в руки Борису и пошел из барака. Ему было так весело, что даже захотелось петь. И он затянул было песенку, но тотчас услышал окрик шедшего навстречу охранника:

— Эй, прекрати выть!

А всё равно главное было сделано: теперь номер 1717 будет сыт.

На следующий день после обеда с кухни в комендатуру поступило

донесение: хлеба по талончикам было выдано больше, чем в лагере числится людей.

Комендант внимательно разглядывал талончики один за другим — фальшивых не оказалось. Значит, кто-то выдал подлинные. Фрейлейн Лиззи — истая арийка — была вне подозрений. Вызванные и допрошенные старосты барачников ничего не знали. От доносчиков тоже никаких сведений. Кто же? Кто бывал чаще всего в комнате, где хранились талоны?..

...Саша нёс коменданту термос с кофе, когда незнакомый «номер» в синей куртке преградил ему дорогу:

— Слушай, малый, иди в шестой барак, тебя Борис звал.

— Ладно, приду. Кофе вот только отнесу...

— Нельзя туда. — Человек усмехнулся. — Там талоны пропали. Ждут тебя, будут допрашивать.

Саша напряжённо думал: «Что делать? Убежать? Днём не убежишь. Спрятаться?»

Глаза его, казавшиеся огромными на маленьком, худом, обтянутом тёмной кожей лице, оглядели всё вокруг. Куда спрячешься, если часовым с вышек всё видно!

— Ну, пошли живей!

И, подтолкнув Сашу, новый знакомый довольно быстро зашагал к шестому барaku. У входа он тяжело закашлялся, махнул Саше рукой.

Тот вошёл внутрь барака. Со света в темноте он ничего не мог различить. Внезапно позади распахнулась дверь и кто-то прерывистым голосом выкрикнул:

— Идут сюда, убирайте мальчишку быстрее!..

В темноте кто-то схватил Сашу за руку и настойчиво потянул за собой в дальний угол барака. Там, приподняв доску в стене, провожатыйскомандовал:

— Полезай. Увидишь ход в бункер. Ныряй в него, забирайся в солону. И не шевелись. А к ночи придём за тобой. Свистнем. Добро? Ну, давай!

Снаружи у самой стены барака зияла дыра лаза в бомбоубежище. Саша, не приподымая головы, сполз вниз и забился в самом дальнем отсеке в кучу прелой соломы. В руках он судорожно сжимал термос кофе.

Что же теперь делать? Сколько он здесь просидит? Из лагеря нужно бежать... Пробраться бы в этот Петроград, разыскать Лину... А если там тоже немцы и лагери?! Тогда он что-нибудь придумает. А где сей-

час Кася?... Ему вспомнилось её лицо в окне кабинета коменданта. Защемило в сердце. Почему, ему приходится прятаться? А всё оттого, что он слабый и маленький. Если бы он был могучий, здоровенный, «они» не посмели бы его трогать. Да и он бы «им» не дался...

Из полудремоты его вывели осторожные шаги, приглушённые голоса.

— Эй, негритос, выходи! — тихо звал кто-то. — Нужно перевести тебя в другое место.

Саша не шелохнулся. «Негритос» — так его не называл никто из тех, кто ему нравился — ни номер 1717, ни его товарищи. И потом почему не свистят? Ведь договорились же...

— Ну и сиди, балда, пусть тебя найдут, — скверно выругавшись, человек полез наверх.

Прошло ещё время. Никого больше не было. Вдруг это действительно за ним приходили? Только забыли свистнуть. А теперь больше не придут. Что ж, он так и будет сидеть? Всё равно не выдержат. Может, самому в барак добраться? Он помнит, где эта доска. Тем более, что уже стемнело.

Осторожно выглянув из лаза, Саша не заметил ничего подозрительного. Приподнялся, выполз наверх. Чёрная тень метнулась к нему из-за угла барака. Цепкие пальцы схватили за лицо, нащупали шею.

— А... а...

Саша хотел позвать на помощь, но тот, кто схватил его, зажал рот рукой.

— А, негодяй! — почти всхлипывал он. — Хотел, чтобы я за тебя палки получил? А если я не хочу, чтобы меня били? Если не хочу, чтобы меня били? — иступлённо повторял он и тащил мальчугана к зданию комендатуры.

Только тут Саша узнал в схватившем его здоровом парне их надзирателя, одного из тех, кого назначили обслуживать комендатуру.

Сейчас взгляд голубых глаз капо, подобострастно устремлённый на коменданта, выражал готовность выполнить любое приказание.

Комендант с любопытством оглядел мальчишку — жалкого, исцарапанного, с соломой в волосах, на одежде:

— Ишь, маленькое животное, сожрать столько хлеба одному! А может быть, продал часть хлеба? Тогда у него должны быть деньги. Кому продал хлеб?

— Не знаю...

— Из какого барака?

— Не знаю... У кухни подошли, сказали: дай, получишь марку.

— Где деньги?

— Потерял... — Саша безудержно лгал, напряжённо стараясь угадать: к чему клонятся вопросы.

— А где термос?

Термос Саша оставил в бункере. По приказу коменданта два охранника немедленно отправились за ним. Комендант оглядел свой термос со всех сторон:

— Выпил кофе?

Мальчик отрицательно покачал головой.

Комендант отвинтил крышку, заглянул. Да, действительно сосуд был полон.

— Но эта образина могла долить его какой-нибудь мерзостью.

Комендант вспомнил, как сам он не раз проделывал такую «забавную» штуку с приятелями в школе, и брезгливо отодвинул от себя термос. Придётся отдать прокипятить — ведь этот тип мог пить из него.

Комендант встал:

— Двадцать пять резиновых папок. И сдать в барак, в семейную зону.

Капо деловито подтянул к себе мальчишку, взмахнул резиновой трубкой...

Саша очнулся. Он лежал на животе, и каждое движение вызывало невероятную боль. Он застонал. Недалеке кто-то по-старчески зашаркал ногами:

— Выдюжил. Видать, крепкой породы...

Скосив глаза, Саша увидел раскалившийся бок железной печки и сгорбленную, высокую старуху. Высохшими руками она водила из стороны в сторону по печной железной трубе белую рубаху. Рядом лежала

горка влажного тряпья. Кончив гладить, старуха аккуратно уложила рубаху на ближние нары, повернулась к Саше лицом. В прежние времена злые волшебницы из сказок представлялись мальчишке менее страшными. У старухи запавшие щёки, словно из чёрных ям глядевшие глаза, проваленный, беззубый рот.

— Пить хочешь?

— Хочу.

Старуха поднесла ему в жестянке воды и снова занялась делом. Достав из тряпки картофельные очистки, она тщательно перемыла их, положила в котелок на печке и стала помешивать деревянной ложкой. Когда варево было готово, она отлила немного в жестянку и поставила перед Сашей:

— Поешь-ка. Всё сытее будешь.

Это был крахмал.

— Взбодрись, взбодрись, малой! Это ж последнее дело, коли не подымишься.

Старуха помогла ему встать.

— Походи, походи, оно и притерпится, разойдётся. Скоро сынки придут, народ вернётся, послушаем чего тот господин набалакал.

— А где они?

— Погнали всех мужчин. А туточки, у зоны...

Саша выглянул за дверь. Барак примыкал к нейтральной зоне. По обе стороны его стояли шеренги «остарбейтеров». А из зоны доносился чей-то очень знакомый голос, усиленный репродукторами:

— Господа! Да, я не называю вас товарищами, ибо германская армия даст вам возможность, наконец, стать господами...

Держась за стенку барака, Саша подобрался к краю шеренги и выглянул. Между зонами на трибуне перед микрофоном стоял... дядька Андрей Алексеевич. Он был в форме немецкого офицера. Саша мгновенно подался назад и стал пробираться обратно в барак. А из репродуктора догонял его сочный голос господина Шереметьева:

— Мы, истинно русские люди, не можем сидеть сложа руки, когда немецкая молодёжь освобождает на-

шу Родину. Мы сами с оружием в руках должны идти впереди. Помните — только тот может рассчитывать в будущем на крупные земельные наделы, только тот получит право стать предпринимателем, кто заслужил это право, сражаясь плечом к плечу с солдатами всесильной арийской армии... Желающие господствовать могут назвать свои... — он откашлялся, — свои номера и тотчас будут переведены на улучшенный рацион и в комфортабельные помещения. Солдатский паёк превышает вашу сегодняшнюю норму в десять раз. Кроме того...

Шеренги стояли не двигаясь, глядя в упор на человека, называвшего себя их соотечественником и звавшего к предательству.

— Ну, и кто записався? — спросила старуха дрогнувшим голосом у своего сына, когда он вернулся.

— Нет, не нашлось такого.

— Да, уж у такого жизнь конченная. Домой ему возврата не будет.

Вой, заунывный, нарастающий, стремительно заполнявший всё вокруг, заставил людей в семейном бараке вскочить на ноги. Детишки бросились к матерям, ручонки их судорожно вцепились в подолы. Прижали их к себе трепетные материнские руки, готовые прикрыть от беды.

— Побег?!

Тревожные зарницы блеснули за окном. Застучали зенитки.

— Воздушная тревога!

— Давай детей в бункер. Живее, ребята!

С того дня налёты на немецкий городок участились. Из лагеря были видны торчавшие обломки стен, пустыри с уцелевшими печными стояками. Бомбы падали и на картофельное поле вблизи лагеря.

А Саша всё с большей силой рвался на волю. Воля? Для него это означало возможность передвигаться, куда он хочет... Большого ему пока и не нужно было.

Побеги из лагеря участились. И часто под яростный лай огромных, волчьей породы, собак возвращались беглецы, истерзанные овчарками. Их отправляли за двадцать ки-

лометров в другой лагерь, откуда они живыми уже не возвращались.

«Но где они пролезали?» Делая вид, что играет с ребятишками, Саша старался быть поближе к провололочной изгороди. День за днём он осматривал её. Иногда он затевал с ребятишками какую-нибудь возню у проволоки. Истощённые, они скоро выдыхались и усаживались тут же отдохнуть или вяло брели вдоль забора, отыскивая какую-нибудь еду. И он тащился вместе с ними, пока однажды за отхожим местом, примыкавшим к кладбищу, за кучей мусора и нечистот не заметил участок забора, где последние ряды проволоки у самой земли повисли, как плохо натянутые струны. Рванулся было поглядеть и спохватился — лучше завтра. Но прикинул издалика — похоже, что можно пролезть.

Всю ночь он проворочался — так хотелось убежать, и было страшно. А вдруг поймут? Собаками... Вспоминая о них, он сжимался в комок. Задремал под утро и во сне увидел провололочные колючие заборы. Они шеренгами двигались на него, теснили. Он подлезал под них. А они вдруг обвернулись вокруг него, сжимая и впиваясь колючками. И никак было не вырваться. Хотел закричать: «Не буду убегать! Пустите, не буду!» И вдруг всплыло лицо Каси — она звала его там, за проволокой. Потом её заслонил номер 1717. Он усмехнулся.

— Дрейфишь, малыш? Вспомни, ты же человек...

Номер 1717 протянул руки и схватил за горло коменданта...

Ещё больше осунувшийся от дум и переживаний, Саша бродил весь день вокруг барака. Он не привык с кем-либо делиться своими переживаниями. Да и с кем? Старшие из барака придут усталые с работы, перекинутся двумя словами и, измученные, повалятся на нары спать. А ребята все маленькие — не поймут.

И никак было не решиться на побег. Слишком много было вышек с часовыми, и совсем близко рычали и хрипели собаки, запертые до ночи в клетках.

Сирена тревоги взвыла над лагерьем, сорвала людей с нар. Одним из первых выскочил из барака Саша.

Вдруг его шатнуло, ударило будто доской по спине, придавило к земле: совсем близко раздался грохот.

Выплюнув землю, набившуюся в рот, прочищая пальцами уши, Саша, полуоглушённый, присел. И тотчас приподнялся: он заметил оборванные пряди проволоки, поваленные столбы. В воздухе рокотали моторы са-

молётов, оглушительно стреляли зенитки, слышались вопли людей. Всё затянуло дымом, гарью.

И снова лёгкий ветерок открыл Саше обрушившуюся проволоку. Не раздумывая, он ринулся к ней. Спотыкаясь во тьме, падая, добрался к

замеченному месту. Упал на землю, пополз, отрывая от себя обрывки проволоки, колючки.

Впереди не было никакого препятствия. Мальчик полз на четвереньках, приподнимаясь всё выше, выпрямляясь... На воле?

VII

ЗНАКОМСТВО С ГЕРРОМ ИЗЕНЗИ. ♦ КТО ТАКОЙ НИКС? ♦ О ЧЕМ ОН ГОВОРИЛ САШЕ. ТАИНСТВЕННЫЙ КРЕСТИК

— Я БЕРУ его!
— Запишите чёрного за хозяйством Изензи! Следующий...

— Хайль Гитлер! Ну... Окуроч, идём со мной...

Изензи — пожилой, коренастый мужчина с большой головой, вдавленной в широкие покатые плечи, — потёр подбородок. Ему повезло. Приехал в районную комендатуру по делу, а там оказался мальчишка — негр. Его сняли с товарного поезда. Сбежал откуда-нибудь. В хозяйстве он пригодится. А то жди, когда прибудет эшелон с оstarбейтерами. Их теперь всё больше по заводам гонят. Спасибо коменданту. Придётся ему поросёнка завезти в воскресенье...

Изензи вынул трубку из рта, выбил, аккуратно уложил в резной металлический футляр и спрятал во внутренний карман. Спустившись со ступенек, он отвязал лошадь от свежеокрашенного в коричневый цвет столбика и, взявшись за поручень, грузно опустился на сиденье одноколки.

Грудастый, приземистый жеребец фыркнул, перебрал ногами...

— А ты что ждёшь? — герр Изензи наклонился к стоявшему у подножки Саше.

Тот мрачно взглянул на нового хозяина:

— Куда мне сесть-то?

— А вот сюда, барон.

Изензи, перегнувшись, подхватил мальчугана под мышку, втащил в одноколку и пихнул себе под ноги, поперёк передка.

— Н-но... Пошла!

Сытая лошадь взяла с места крупной рысью...

— Негр! Негр!

— Посмотрите, какой он чёрный!

— Девочки, а какие у него злые глаза!

— Он, если поймает врасплох, — может перекусить горло.

— Врёшь?!

— Отец говорил. Во, отсохни у меня язык!

— Негр! Негр!

Над невысокой изгородью, отделяющей усадьбу Изензи от деревенской улицы, торчат белокрысы и тёмные мальчишечьи головы. Девочки держатся подальше — на всякий случай. У всех на лицах смешанное чувство любопытства и страха.

В глубине двора у каменного свинарника Саша, не поднимая головы, яростно разрубал на специальном помосте картофельные клубни и сбрасывал их в чан.

Если бы визжащая орава забором могла прочесть его мысли, её бы вмиг сдуло. Да, сейчас он готов был обрушить тяжёлый секач не на картофель, а на первого, кто попался бы ему на дороге.

Усталая за день рука всё медленней поднималась для замаха и только злость ещё подстёгивала, придавая силы.

— А ну, быстрее, быстрее! — пожилая, с широкими боками женщина — жена Изензи — подошла к Саше. Взяв свободный секач, проворно застучала им по картошке. Скинув нарубленное в чан, заглянула в него:

— Можно полоскать. Никс, иди сюда!

Из коровника с вилами в руках, чуть пригнувшись, вышел высокий, худой парень, на вид лет восемнадцати. Он вытер тыльной стороной ладони пот, тонкими струйками стекавший по лицу. Большие голубые глаза его оглядели двор, мальчишек у забора.

— Слушаю вас, хозяйка?— он говорил по-немецки с едва уловимым иностранным акцентом.

— Подай воды в чан. А ты руби, не оглядываясь! — прикрикнула она на Сашу. — О, господи, разболтанный народ!..

Мальчик исподлобья бросил на неё злой взгляд, но промолчал.

Никс прошёл к водопроводной колонке, подвинул шланг, крутанул колёсико крана, быстрым движением подхватил с земли брезентовую трубу и взмахнул ею. Острая и твёрдая, как палка, струя воды ударила по гримасничавшим над забором лицам мальчишек.

Глядя на мокрых, визжащих от страха и боли своих мучителей, Саша захохотал. Он смеялся, показывая им язык, выкрикивая по-русски:

— Получили?! Получили?!

— Господи, это несчастье, не работники! Свиньи пусть издохнут от голода, а они будут забавляться, — всплеснула руками хозяйка. Её пухлые, отвислые щёки смешно подпрыгивали, а выцветшие голубые глаза округлились от возмущения.

(Продолжение следует)

Быстрее ветра, выше облаков

НЕСКОЛЬКО раз в день радио Ленинградского аэропорта объявляет:

«Внимание! Производится посадка на самолёт «ТУ-104-Б», вылетающий по маршруту Ленинград — Москва».

Сразу сто пассажиров выходят из здания аэровокзала и направляются к серебристой машине, которую и неопытный глаз сразу же отличит от десятков других самолётов, стоящих на аэродроме.

«ТУ-104-Б» — родной брат прославленных «ТУ-104» и «ТУ-104-А». Это корабль-гигант.

По двум трапам пассажиры поднимаются на борт воздушного лайнера. Багаж погружён заранее. Целый поезд вагонок с чемоданами и саквояжами привёз электрокар к самолёту. Всё содержимое этого состава исчезло в люках машины. Отошёл автозаправщик — огромная пятиосная цистерна. Закончены последние приготовления к полёту.

Командир корабля Ф. А. Шевченко, второй лётчик Д. И. Антонов, штурман Б. С. Тараканов, бортрадист Г. Р. Волович и бортинженер В. В. Кадонский занимают места в кабине самолёта. Перед каждым из пилотов множество циферблатов с делениями и стрелками, сигнальных лампочек, кнопок. Различные сложные приборы позволяют вести самолёт точно по заданному курсу, взлетать и приземляться при самой плохой погоде, днём и ночью, в любое время года.

Раздаётся приглушённый свист — это пилоты включили двигатели. Самолёт плавно трогается с места и устремляется вперёд по бетонированной дорожке. Всё быстрее за стеклами иллюминаторов мелькают

шестиугольные плиты аэродрома. Вот они уже сливаются в сплошную серую полосу. Машина мчится с головокружительной быстротой и совсем незаметно отрывается от земли.

В синей утренней дымке скрывается Ленинград. «ТУ-104-Б» быстро набирает высоту. Тысяча метров, две тысячи... три... пять тысяч...

В Москву летят рабочие, учёные, служащие. Некоторые пассажиры намереваются за день управиться в столице со всеми делами и вечером на другом «ТУ-104-Б» возвратиться домой, в Ленинград. В самолёте много отпускников.

Познакомимся же с пассажирами. На юг, в Анапу, вместе с родителями Александром Васильевичем и Галиной Ивановной летит Вова Тихонов. Он очень доволен полётом. Вова, впрочем, не самый маленький пассажир. Вместе с матерью, товароведом Гостиного двора Людмилой Ивановной Беляковой, в гости к бабушке в Мичуринск направляется пятимесячная Светлана. Она, судя по всему, тоже чувствует себя прекрасно — безмятежно спит в специальной кроватке для малышей.

— Замечательная машина «ТУ-104-Б», — говорит учительница подмосковной Красногорской школы № 2 Людмила Аркадьевна Филимонова, — обязательно расскажу об этом полёте своим ученикам...

— Прошу установить откидные столики, — объявляет бортпроводник Галина Петровна Синёва. — Завтрак готов!

Пассажирам подают чай, виноградный сок, пирожные, яблоки и бутерброды. При полётах на дальние расстояния в самолёте можно и пообедать — ведь в нём имеется настоящая кухня. А что касается аппетита, то он у всех отличный и при

скорости в 880 километров в час на высоте 9 километров от земли, которая скрыта густой пеленой облаков.

Сверху облака кажутся то причудливыми горами, то напоминают бескрайнюю снежную равнину. Яркое весеннее солнце заливает необозримый простор.

Там, за стеклом, несколько десятков градусов мороза. А в пассажирских салонах тепло. Воздух на такой большой высоте сильно разрежён, но в самолёте поддерживается нормальное давление. Здесь совсем «земная» атмосфера. Не испытываешь и неприятной качки, столь обычной для винтомоторных самолётов, когда машина то проваливается вниз, то, подхваченная потоком воздуха, неожиданно подбрасывается вверх. «ТУ» идёт так плавно, что не падает вертикально поставленный на столике карандаш. Даже шума меньше, чем в обычном автобусе.

Пассажиры не успевают ещё освоиться с самолётом, по-настоящему ощутить всю прелесть полёта на этой замечательной машине, как бортпроводник объявляет:

— Мы уже пролетели полпути.

«ТУ-104-Б» едва успевает набрать привычные для него потолок и скорость, как пора снова снижаться.

Самолёт пробивает белую толщу облаков. Всё чаще в просветах видна земля — рощи, бурые поля, зеле-

новатые пятна озёр, селения Подмосковья. По узким чёрным лентам шоссе взад и вперёд снуют муравьи-автомобили. По нитям железных дорог ползут товарные составы и электрички. Именно «ползут» — ведь их скорость не идёт ни в какое сравнение со стремительным полётом турбореактивного воздушного экспресса.

Машина кренится набок, делает разворот, заходит на посадку. Небольшой толчок — и она уже катится по Внуковскому аэродрому столицы.

Смолкает шум турбин. Непривычная тишина воцаряется в самолёте. К нему подъезжает мощный тягач. Он везёт наш «ТУ» мимо десятков других самолётов, которые только что прилетели в Москву или готовятся к вылету в самые отдалённые уголки Родины, в зарубежные страны. Поданы трапы. Здравствуй, Москва!

Весь полёт длился 55 минут. 650-километровое расстояние «ТУ-104-Б» покрыл в два с половиной раза быстрее обычного винтомоторного самолёта, в 8 раз быстрее самого скорого поезда!

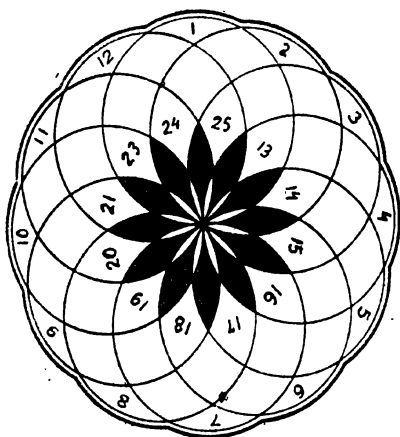
Ленинград—Москва
Борт самолёта «ТУ-104-Б»

(Фото к очерку см. на 3-й странице обложки).

КРОССВОРД

Составили Слава ЕВСЕЕВ и
Боря МАРТЫНОВ, г. Выборг

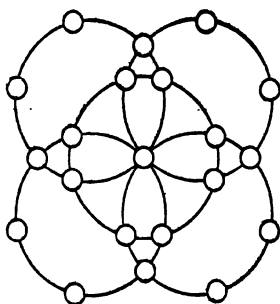

1—13. Великий немецкий поэт.
2—14. Растение с красивыми души-
стыми цветками. 3—15. Обработанное
поле. 4—16. Государственное финан-
совое учреждение. 5—17. Город во
Франции. 6—18. Растение из семей-
ства, к которому относятся важней-
шие продовольственные растения.
7—19. Парусное судно. 8—20. Ящик
для избирательных бюллетеней. 9—

21. Приток Волги. 10—23. Француз-
ский писатель. 11—24. Единица силы.
12—25. Действующее лицо из пьесы
А. М. Горького «На дне».

1—23. Композитор, написавший
музыку к опере «Фауст». 12—21.
Союз, объединение. 11—20. Француз-
ский писатель. 10—19. Река в Азии.
9—18. Пересыхающая летом река в
Австралии. 8—17. Планета. 7—16.
Русский поэт. 6—15. Имя девочки.
5—14. Расплавленные породы, выте-
кающие из кратера вулкана при из-
вержении. 4—13. Великий француз-
ский композитор. 3—25. Музыкаль-
ный знак. 2—24. Постоянный водо-
ём — естественный сток воды в море
или озеро.

Отдел ведёт В. Акентьев

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

Составил Я. АЛЕКСЕЕВ

Расставьте в кружках цифры от
1 до 21 так, чтобы сумма чисел по
каждой окружности была бы рав-
на 66.

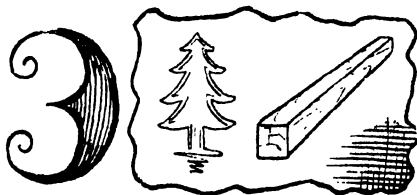
Как это сделать?

РЕБУС-ШУТКА

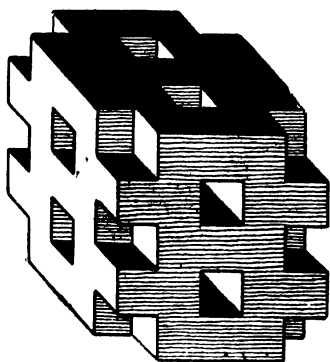
Составил В. ГРЯЗЕВ

Здесь зашифрованы названия двух
горных вершин: одна из них нахо-
дится на Кавказе, другая — в Ант-
арктиде, причём это — вулкан...

А чтобы разгадать ребус, понадо-
бится-таки смекалка!..

СКОЛЬКО ВЕСИТ ДЕТАЛЬ?

Из заготовки, имевшей форму правильного куба, была изготовлена изображённая на рисунке деталь. Рассмотрите её внимательно. Шесть отверстий в гранях детали — сквозные.

Не сможете ли вы определить, сколько весит эта деталь, если вес заготовки был равен 250 граммам?

61 слово на букву «Б»

МНОГО читателей прислали списки слов, начинающихся на букву «б», к рисунку в «Искорке» № 4. Всего таких слов оказалось 61, не считая присланных читателями морских терминов, а также английских и немецких слов. Вот они: бабочка, багор, Базилли, бакен (буй), бамбук, банка, бант, барабан, барабанщик, Барабас, баркас, бастион, бахрома, башмаки, башни, бег, бедро, безрукавка, белки (глаз), берег, берёза, бечева, бивни, било (барабана), бисер, бицепсы, блики, блуза, бляха, бойницы, бок, болото, бор; боровик, борода, бородач, бородач (ключа), борт, ботинки, боты, бочка, браслет, бревно, бредень, бриллиант, брови, брюки, брюнет, брызги, будка, букашка, булка, булыжник, бунчук, (на баркасе), Буратино, бусы, бутылка, бухта, былинка, большой и безымянный пальцы.

Первыми наибольшее количество правильных слов прислали: Таня Киркина (5-й класс, 33-я школа), Боря Певницкий (7-й класс, 322-я школа), Надя Геденова (2-й класс, 362-я школа), Алла Смирнова (4-й класс, 195-я школа), Лена и Таня Кураго (445-я школа, г. Зеленогорск), Валя Колесова (6-й класс, 153-я школа), Вова Воробьев (2-й класс, 391-я школа), Боря Кожевников (1-й класс, 229-я школа), Галля Костина и Лива Павлова (ученицы Сясястройской школы № 1 Новоладожского района).

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 5)

АРИФМОГРАММА

1. «Шинель». 2. Нежин. 3. Держиморда. 4. Земляника. 5. Свистунов. 6. «Современник». 7. Акимов. 8. «Женитьба». 9. Белоусов. 10. Бестужев. 11. Чичиков. 12. Ноздрёв. 13. Театр. 14. «Вий». 15. Юмор. 16. «Тяжба». 17. Соловьёв-Седой.

Слова Н. В. Гоголя: «Я живу весь... в своём народе и земле..., и всё, что там ни есть и ни заключено, ближе и ближе становится ежеминутно душе моей».

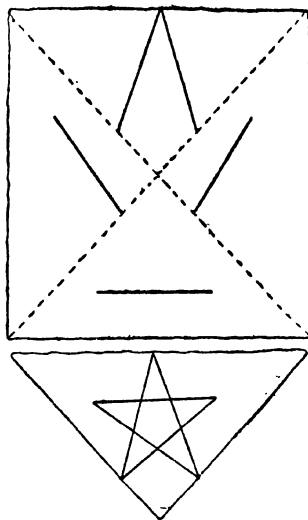
РЕБУС-АНАГРАММА

Лама, Ява, до, воин. «Малиновая вода».

ЗАГАДКА

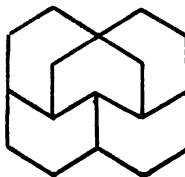
Хоть надут он всегда, с ним не скучно никогда.
(hsw)

«ЗВЕЗДА»

Решение смотри на рисунке.

НА 5 ЧАСТЕЙ

Решение смотри на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Имени Маяковского. Воспоминания А. Будкевич ..	1
Юлька. Г. Буренкова	4
Конец хитрой щуки. В. Козлов	9
Летняя пионерская. Песня. Музыка Н. Садового, слова Г. Гоппе. (Текст песни на стр. 14)	15
Варежки. Тракторы. Трудная задача. Весенняя поступь. В школьном парке. Стихотворения И. Антонова	16
Использовал солнечную энергию. Рассказ в рисунках К. Бекташева	18
Нападающий идёт в атаку. Г. Князев	19
Сказки дедушки Пахома. А. Алексеев	26
На взморье. Стихотворение А. Прокофьева	29
Антенна в космосе. А. Томилин	30
Неожиданное спасение. Рассказ в рисунках	35
В краю легенд и кладов. Д. Богданова	36
Стихи чукотских поэтов.	45
Мальчик на дельфине. Л. Спицын	47
Твой брат. (Продолжение). Л. Видгоп и Я. Сухотин ..	49
Быстрее ветра, выше облаков. В. Марков	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой и четвёртой страницах обложки — рисунок К. Бекташева «Карнавал героев любимых книг».

На второй странице обложки — фотоснимки Г. Сафонова.

На третьей странице обложки — фотоснимки Г. Лугового к очерку «Быстрее ветра, выше облаков».

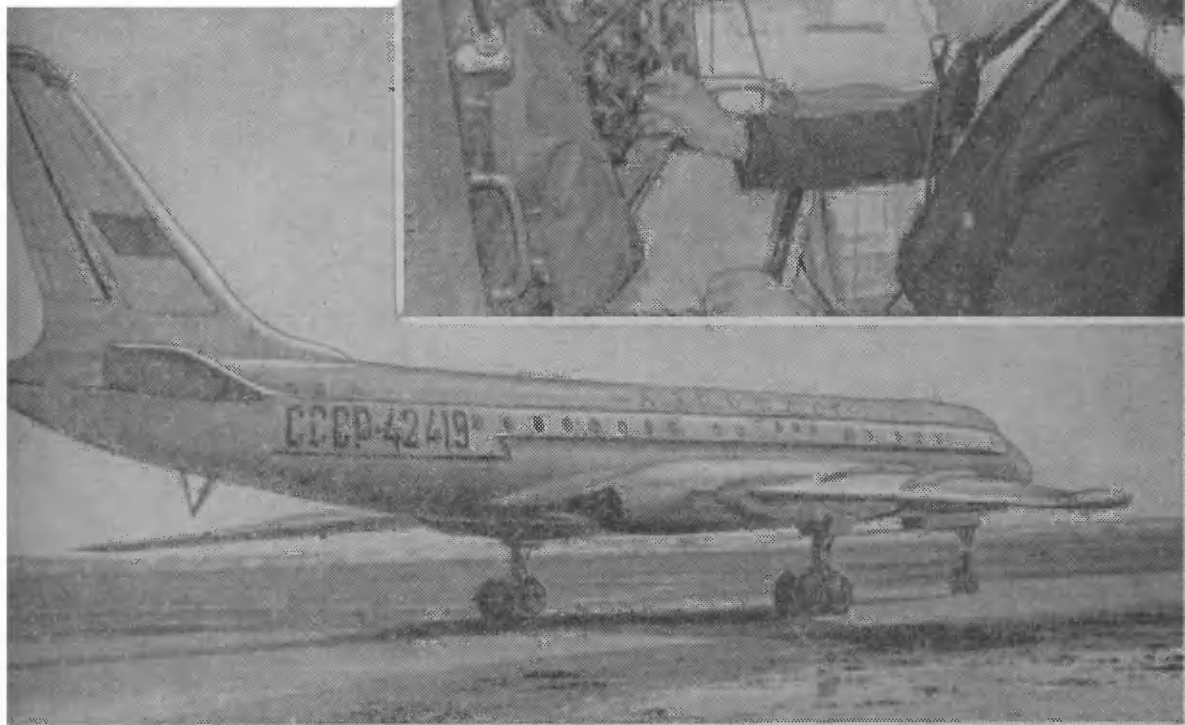
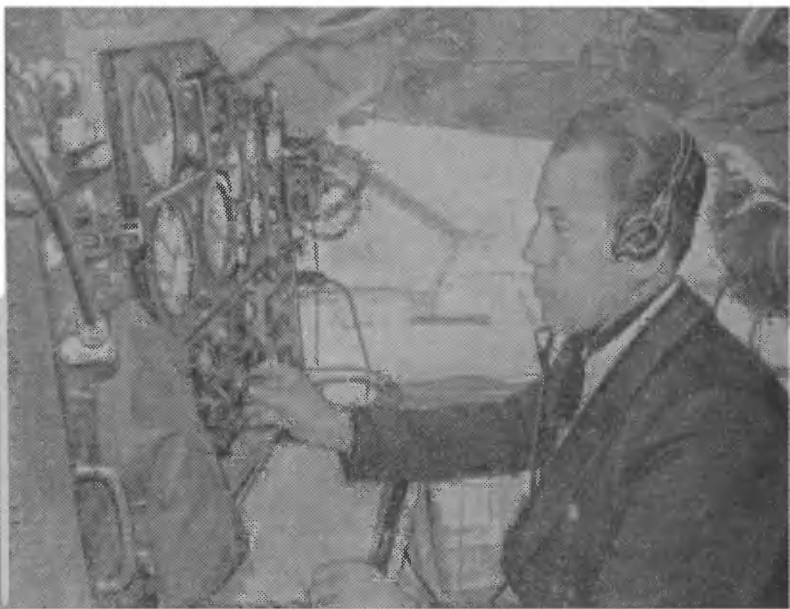
Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр, Фонтанка, 57. Тел. А 4-48-51.

Сдано в набор 18/V. Подписано к печати 16/VI 1958 г. 4 печатн. листа. Уч.-изд. л. 5,68
Тираж 75.000. М-41435 Заказ № 773. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 1 рубль.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Центр. Фонтанка, 57.

Фотоснимки Г. Лугового к очерку «Быстрее ветра, выше облаков» (стр. 60—61): штурман Б. С. Тараканов; самолёт «ТУ-104-Б»; у Верочки Пантелеевой аппетит в небесах не хуже, чем на земле.

Цена 1 рубль

